

Нати Смольникова

ПРОШЛОЕ
ОБМЕНУ И ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Нати Смольникова

Прошное обмену и возврату не подлежит

<https://litres.ru/74499352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она сбежала от предательства, чтобы начать новую жизнь. Он потратил три года, чтобы ее найти. Но прошлое не подлежит возврату... или все же подлежит?

Валерия Князева была на вершине счастья. Блестящий финансист, гордость отца, невеста блистательного Марка Одинцова — влиятельного банкира, партнера ее семьи и мужчины, которого она боготворила. Но за день до свадьбы ее идеальный мир рушится. Один звонок незнакомки открывает страшную правду: ее жених — не благородный принц, а жестокий подонок, чья измена едва не убила человека.

Для кого эта книга: Для тех, кто любит эмоциональные, страстные романы с сильными героями, запутанными семейными тайнами и гарантированным хэппи-эндом, который герои выстрадали по-настоящему.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	36
ГЛАВА 6	44
ГЛАВА 7	56
ГЛАВА 8	66
ГЛАВА 9	77
ГЛАВА 10	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Нати Смольникова

Прошное обмену и

возврату не подлежит

ПРОШЛОЕ ОБМЕНУ И ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ

ГЛАВА 1

Лучший мужчина в мире осыпал мою щеку невесомыми поцелуями, словно утренней росой, и прошептал «доброе утро». Я лениво приоткрыла глаза, провожая взглядом, как Марк, крадучись, словно боясь спугнуть мой сон, тихонько прикрыл дверь спальни. Разве можно самой себе завидовать? Я ощущала себя ослепительно счастливой, словно мне подарили не просто звезды, а целую галактику.

Не спешила вставать, утопая в неге постели, вдыхая ускользающие остатки его аромата. Легкий флер сандала, смешанный с чем-то неуловимо мужественным, присущим только ему. Закрыла глаза, желая вновь ощутить прикосновение его губ, такое нежное, будто крыло бабочки коснулось кожи.

В памяти всплывали обрывки вчерашнего вечера – смех, неспешные беседы, его пристальный, проникающий в самую душу взгляд. Марк умел слушать, умел чувствовать, умел любить так, как я всегда мечтала, но втайне боялась, что это лишь красивая сказка. Он разбил вдребезги все мои предубеждения о мужчинах, доказал, что нежность, забота и уважение могут исходить от сильного и уверенного в себе человека.

Сладко потянулась, чувствуя, как по телу разливается волна блаженства. День обещал быть особенным. Июньское

солнце, пробиваясь сквозь неплотно задернутые шторы, рисовало на стене причудливые золотистые узоры. Встала и направилась на кухню, где уже витал дразнящий аромат свежесваренного кофе. Он всегда помнил о таких мелочах, угадывая мои желания.

Автомобиль Марка, урча мотором, покидал территорию усадьбы. Я стояла у окна, провожая его любящим взглядом, и медленно пила теплый кофе с молоком. Никогда не любила обжигающий черный кофе. Мне всегда казалось, что он своей горечью портит изысканное удовольствие от прекрасного напитка. Молоко или сливки смягчают и обогащают вкус свежесваренного кофе, превращая его в настоящий эликсир для уединения и наслаждения жизнью. Марк же, напротив, предпочитал крепкий черный кофе без сахара, утверждая, что я напрасно не ценю чистый, ничем не замутненный вкус натуральности. Он верил, что естественность – лучший способ воспринимать мир без иллюзий.

Поставила чашку в раковину, чувствуя легкое покалывание предвкушения. Сегодняшний день я собиралась посвятить только себе. Никаких встреч, никаких дел – лишь тишина и наслаждение моментом, ведь до предстоящей свадьбы нужно еще так много успеть. Надела легкое летнее платье, которое так любил Марк, и вышла в сад.

Аромат роз пьянил, заставляя забыть обо всем на свете. Пчелы лениво жужжали, перелетая с цветка на цветок. Я присела в увитой зеленой беседке под сенью старой яблони,

достала предложение от свадебного агентства и углубилась в изучение. Легкий ветерок шелестел страницами, словно что-то нашептывая, тревожа меня своим прикосновением.

Закрыла глаза, вдыхая аромат цветов и свежей травы. Представила, как Марк вернется вечером, уставший, но счастливый. Мы будем сидеть на террасе, пить чай и говорить обо всем на свете. Он расскажет о своих успехах, а я – о своих маленьких радостях.

Внезапно тишину разорвал телефонный звонок. Незнакомый номер. Я колебалась, отвечать или нет, но любопытство оказалось сильнее. Поднесла трубку к уху.

– Слушаю, – прозвучал мой голос, чуть дрожащий от волнения.

На другом конце провода молчали.

– Говорите. Кто это? – повторила я, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

Но в ответ – лишь тишина, полная неясного предчувствия. Тишину в трубке прорезали всхлипы и неровное дыхание.

– Валерия, простите за мой звонок, – шепот прозвучал в тишине. – Если он узнает, то убьет меня, но я обязана вас предупредить. Вы собираетесь замуж за чудовище. Моя сестра сейчас в реанимации. Приезжайте в городскую больницу и спросите, что случилось с Аней Смирновой. Я буду там и все вам расскажу. Если же вас не смущает, что Марк законченный подлец, то можете испытать судьбу и стать его женой.

Сердце бешено заколотилось. Слова незнакомки эхом отдавались в голове. Чудовище, подлец, реанимация. Я похолодела, словно меня окатили ледяной водой. Марк? Не может быть. Мой Марк, добрый, любящий, внимательный?

Но сомнение уже проникло в душу, словно ядовитый плющ. Я вспомнила его резкие перепады настроения, вспышки гнева, которые он всегда списывал на усталость. Вспомнила его уклончивость, когда речь заходила о прошлом. Неужели я была так слепа?

Решение пришло мгновенно. Я должна узнать правду. Быстро схватила ключи от машины, телефон и выбежала из дома. Городская больница. Аня Смирнова. Имя, прежде незнакомое, теперь вселяло ужас.

Дорога казалась бесконечной. Каждая минута тянулась как час. В голове роились вопросы, страхи, сомнения. Что, если это правда? Припарковавшись у больницы, я глубоко вздохнула и решительно направилась к приемному покою.

Здесь царил привычный больничный хаос. Мелькали белые халаты, слышались приглушенные стоны, звонки телефонов. Я нервно оглядывалась, пытаясь найти кого-нибудь, кто мог бы мне помочь. Наконец, решилась подойти к медсестре за стойкой.

– Здравствуйте, я хотела бы узнать об Ане Смирновой, она поступила к вам в реанимацию, – произнесла я, стараясь говорить как можно спокойнее.

Медсестра внимательно посмотрела на меня, что-то напе-

чатала в компьютере.

– Смирнова? Да, есть такая. Но информацию о пациентах мы даем только родственникам. Вы кем ей приходиться?

– Я ее двоюродная сестра, – промямлила я, чувствуя, как кровь отливает от лица из-за моей неумелой лжи. – Мне очень важно узнать, что с ней случилось и чем я могу помочь.

Медсестра покачала головой.

– Извините, но я не могу нарушать правила. Попробуйте обратиться к лечащему врачу.

Разочарованная, я отошла от стойки и направилась к ближайшей скамейке. Что делать дальше? Как узнать правду? Внезапно мое внимание привлекла девушка, сидящая в углу. Она нервно теребила платок и постоянно оглядывалась по сторонам. В ее глазах читался страх. Не та ли это незнакомка, которая звонила мне? Собравшись с духом, я подошла к ней.

– Простите, вы не Аню Смирнову ждете? – тихо спросила я, стараясь не напугать ее.

Девушка вздрогнула и испуганно посмотрела на меня. В ее глазах мелькнуло узнавание.

– Это я вам звонила? – прошептала она, судорожно сжимая платок.

Я кивнула.

– Да. Мне нужно знать, что происходит. Что случилось с Аней?

Девушка, казалось, боролась с собой, прежде чем заговорить.

– Это все ужасно. Я не должна была вам звонить, но Аня в опасности. Денег у нас нет, а операцию нужно делать срочно.

– Да объясните же вы, что происходит! – не выдержав напряжения, воскликнула я.

– Аня – моя старшая сестра. Она последние пять месяцев встречалась с Марком Одинцовым. Эта влюбленность до добра не довела. Я ее предупреждала, но она и слушать не хотела меня. Аня была одержима идеей забеременеть от него и выйти замуж. Две недели назад Марк сообщил, что женится на дочери своего бизнес-партнера и бросает Аню. На днях мы узнали, что она беременна. Сестра тут же связалась с Марком. Он приехал и, когда узнал, то сильно кричал. А после отвез ее в клинику, где вчера сделали неудачный аборт. Сейчас она на скорой доставлена в критическом состоянии. Сказали, срочно нужна операция, и детей у нее больше не будет, но они спасут ее жизнь.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Беременная, аборт, критическое состояние... Это не было похоже на дурацкий розыгрыш. Все казалось кошмарным сном. Но испуганный взгляд девушки и дрожащие руки говорили об обратном.

– Сколько нужно заплатить? – быстро спросила я, пытаюсь взять себя в руки. – А Марк? Он здесь?

– Он уехал вчера после клиники. Сказал, что у него важ-

ные дела, – прошептала она, опуская глаза. – Пожалуйста, помогите нам. У нас нет таких денег на операцию. Я не знаю, что делать. Боюсь потерять сестру.

Собравшись с силами, я снова повернулась к девушке.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Лена, – тихо ответила она.

– Лена, все будет хорошо. Я помогу. Показывай, куда платить.

Лена робко улыбнулась сквозь слезы, в ее глазах появилась надежда. Мы вместе направились в административный корпус больницы, где Лена объяснила ситуацию. Сумма, названная кассиром, была небольшой для меня, но в тот момент я думала только об одном – спасти жизнь Ане. Не раздумывая, я сняла деньги со счета и передала их в кассу. Оформление документов заняло некоторое время.

Операция началась незамедлительно. Мы с Леной просидели в зале ожидания несколько часов, полных тревоги и неизвестности. Наконец, вышел врач и сообщил, что операция прошла успешно, но состояние Ани остается тяжелым. Ей потребуется длительное восстановление и постоянный уход.

Когда я, наконец, смогла увидеть Аню, она лежала в реанимации, подключенная к аппаратам. Ее лицо было бледным и измученным. Я почувствовала, как ком подкатывает к горлу. Лена тихо плакала, держа сестру за руку. В этот момент я поняла, что не хочу видеть Марка, слушать его оправ-

дания, а главное, я не хочу жить с постоянным страхом, что это может повториться.

Я решила не ехать в дом Марка и направилась к своим родителям. Чувствовала опустошение и усталость, но в то же время во мне росла решимость разрубить этот узел, связывающий меня с этим ужасом.

ГЛАВА 2

Я сидела в гостиной, у камина, погруженная в раздумья о сложившейся ситуации. За окном медленно угасал летний день, окутывая все вокруг предвечерней негой, когда свет еще льется щедро, но усталость уже тянет ко сну. Холодный камин, чернея зевом пустоты, смотрел на меня немим укором. Я поймала себя на странном нежелании зажигать огонь. Прежде я обожала тепло его вида, но сейчас он казался зловещим отражением моей собственной жизни. Кажется, еще вчера он щедро делился теплом, даря обманчивое чувство покоя и защищенности, а теперь одним своим видом – зияющей чернотой, припорошенной пеплом – навевал на меня тоску и безнадежность.

В голове пульсировали обрывки воспоминаний о Марке, смешиваясь с картинами больничной палаты, бледным лицом Ани и отчаянием Лены. Неужели я действительно могла так ошибаться в человеке? Как могла не заметить темную сторону, скрытую за маской его обаяния и уверенности? Чувство вины и стыда жгло меня изнутри. Я чувствовала себя обманутой, преданной, но больше всего разочарованной в самой себе.

Родители встретили меня настороженно. Их опытные взгляды сразу уловили тень беды, затаившуюся в моих глазах. Я выложила все, не утаив ни единой детали, кроме ис-

точника моих знаний. Мама молча прижала меня к себе, а отец, обычно невозмутимый и немногословный, сдавленно выругался и вышел из комнаты. В них я искала поддержку и сочувствие, словно спасительный круг в бушующем море. Решение далось мне с кровью, но я знала, что так будет правильно.

Я набрала номер Марка. В трубке сначала прозвучало удивление, затем растерянность, а в финале разговора злоба и бессильные угрозы. Я не стала слушать его лживые оправдания. Просто нажала на отбой и заблокировала номер. Точка была поставлена.

Я больше не вернусь в этот дом, который на протяжении двух месяцев совместной жизни с Марком казался мне тихой гаванью, полным уюта и безмятежного счастья. Все, что связывало с ним, утонуло для меня в бездне прошлого и разочарования. Я начну новую жизнь без страха и душевной боли. Пусть эта жизнь будет лишена сказочного блеска, но она будет моей. Подлинной! И я сама буду писать ее сценарий, не позволяя никому манипулировать мной и предавать мои мечты.

– А теперь поговорим, как женщина с женщиной, моя дорогая, – произнесла мама, присаживаясь рядом на диван. – Я проводила твоего отца к Марку, а сама решила поговорить с тобой. Свадьба не отменяется, Валерия, и ты выйдешь замуж за Марка. И запомни, твой жених – красивый и богатый мужчина, и такие вертихвостки, как эта бесстыжая Аня, все-

гда будут виться вокруг него.

– Мама, ты совсем меня не слышишь! Я не хочу за него замуж. Он предал меня, изменил мне. Как я могу доверять человеку, который так поступил? Какая свадьба, о чем ты говоришь?! – во мне поднималась волна ярости, смешанная с обжигающим отчаянием.

Слова матери ранили острее, чем нож предательства Марка.

– Это глупости, Валерия. Мужчины – они такие. Слабые перед искушениями. Но это не значит, что он тебя не любит. Марк – блестящая партия для тебя. Обеспеченный, влиятельный, друг и компаньон твоего отца. Ты живешь, как королева, благодаря нам и ему. Не будь дурой, не упusti свое счастье. Эта Аня всего лишь мимолетное увлечение, для любого мужчины. А ты должна быть мудрой женщиной и простить его.

Слезы клокотали внутри, но ни одна не прорвалась наружу. Как она может говорить такое? Неужели деньги и положение в обществе важнее моего счастья, моего достоинства? Неужели я должна закрыть глаза на измену и жить в золотой клетке, притворяясь счастливой?

– Мама, я люблю тебя, но не позволю тебе решать мою судьбу. Я ушла от Марка и не собираюсь возвращаться. Я сама построю свою жизнь. Пусть она будет не такой роскошной, как с ним, но она будет моей.

Я поднялась с дивана, ощущая невыносимую усталость.

Страх и боль отступали, уступая место твердой решимости и робкой надежде. Я больше не маленькая кукла, которую можно купить и продать. Я – молодая женщина, которая сама выбирает свой путь.

– Сядь сейчас же! – взвизгнула мать, ее голос звенел, словно осколки стекла. – Ты что себе вообразила? Будто твой отец – ангел во плоти? Или существуют невинные мужчины? О, нет, милая! У твоего отца было как минимум два романа, о которых я знаю доподлинно. И я, представь себе, нашла в себе силы проглотить это. Вот и ты найди!

– Что ты сказала? – прошептала я, словно от удара под дых.

Мир вокруг поплыл, теряя свои привычные очертания.

– То, что ты слышала, – отрезала она.

– Отец? Нет, это немыслимо, – пробормотала я, словно в бреду. – Он любит тебя. Я каждый день, каждую минуту своей жизни видела, как он смотрит на тебя с обожанием. Как оберегает нас от любой тени печали. Это просто невозможно!

– И, между прочим, обе эти любовницы были беременны от него, – с вызовом произнесла мама, в ее голосе сквозила горечь и какая-то странная, извращенная гордость. – Но он выбрал свою семью. Нас!

– Что?! – единственное, что смогла произнести я в этой ситуации.

Меня словно окатили ледяной водой. Беременны? Две

женщины? От моего отца? Моего идеального отца? В голове не укладывалось. Все мои детские воспоминания, картины счастливой семьи, мигом покрылись трещинами, сквозь которые просачивался яд сомнения и боли.

– Ты лжешь! – выкрикнула я, но голос прозвучал жалко и неубедительно.

Мама молчала, глядя на меня невидящим взглядом. Она словно выплеснула наружу то, что годами копила в себе, и теперь была опустошена. Я смотрела на нее и не узнавала. Эта женщина, всегда такая сдержанная и элегантная, сейчас казалась чужой и сломленной.

Мама вскочила с дивана, ее лицо исказила гримаса гнева и отчаяния. Она подлетела ко мне, вцепилась в плечи и яростно тряхнула.

– Ты ничего не понимаешь, Валерия! Жизнь, это не сказка! Никто не даст тебе ничего просто так. Ты должна бороться за свое место под солнцем, использовать все возможности, которые тебе даны. Марк – это твой шанс! Шанс на безбедную и счастливую жизнь. Неужели ты готова отказаться от всего этого из-за какой-то глупой обиды?

Ее слова жгли душу, как раскаленное железо. Я попыталась вырваться из ее цепких пальцев, но она держала мертвой хваткой. В ее глазах плескалась злость на меня! Не на Марка! Его она оправдывала полностью!

– Нет, мама. Я не хочу жить такой жизнью. Я не хочу быть марионеткой. Я хочу быть свободной и счастливой по-свое-

му. И если для этого мне придется отказаться от роскоши и богатства, то я готова.

– Тогда мы заблокируем все твои банковские карты, чтобы ты поняла, что такое настоящая свобода, – ледяным тоном отрезала мать.

Я вырвалась из ее рук и стремительно вышла из комнаты, оставив ее стоять посреди гостиной, в полном смятении. Впервые в жизни я почувствовала себя по-настоящему взрослой и независимой. Впереди простиралась пугающая неизвестность, но я была готова встретить ее с гордо поднятой головой. Нужно было бежать, спрятаться, переварить все услышанное. В голове пульсировала только одна мысль – мой идеальный мир рухнул. Все, во что я верила, оказалось ложью. И самое страшное, что я не знала, как жить дальше с этим знанием.

Дверь родного дома захлопнулась за мной, словно отсекая от прошлой жизни, полной роскоши и беззаботности. В голове эхом звучали мамины слова, полные горечи и безысходности. Она так и не смогла увидеть эту ситуацию моими глазами, понять мои ценности и стремления. Мы часто спорили, но сегодня наши пути разошлись не просто в разные стороны, а в разные жизни.

Спустившись по ступенькам, я вдохнула полной грудью свежий воздух свободы. Я твердо решила начать все с чистого листа. Найти работу, снять квартиру, научиться зарабатывать на хлеб своим трудом. Я должна доказать себе, что

могу быть счастливой и без их золотой клетки. Что счастье не измеряется толщиной кошелька и банковского счета.

Телефон ожил в моей руке, и я погрузилась в мерцающий мир объявлений о работе и съемных квартирах. Удача улыбнулась почти сразу – второй звонок, и вот уже назначена встреча для просмотра квартиры на завтра. Но до наступления этого «завтра» я решила укрыться в теплом уюте бабушкиного дома, чтобы почувствовать себя рядом с родным человеком и обрести ясность мыслей перед важным решением.

ГЛАВА 3

После моего рассказа бабушка сидела и пристально смотрела на меня. Мы с ней всегда были лучшими друзьями. Морщины вокруг ее добрых глаз казались глубже, чем обычно, а в них самих плескалась тихая тревога. Она молчала долго, словно взвешивая каждое слово, прежде чем произнести его. В тишине старого дома отчетливо слышалось тиканье ходиков в коридоре, отсчитывающих мгновения времени, которое, казалось, замерло для нас обоих.

– Лерочка, милая моя, жизнь – это очень сложная штука, – наконец проговорила бабушка, ее голос был мягким и успокаивающим. – Она не всегда справедлива, и порой преподносит нам такие сюрпризы, что земля уходит из-под ног. Но главное – не сломаться. Сохранить в себе человечность и веру в лучшее.

Она взяла мою руку в свою, ее ладонь была теплой и шершавой.

– Твоя мама. Она тоже пережила немало. Не суди ее строго. Она хотела как лучше, как ей казалось. Но иногда, в погоне за призрачным счастьем, люди забывают о настоящих ценностях, – тихо продолжила она. – Что касается твоего отца. Не позволяй этому знанию разрушить образ, который ты о нем хранишь. У каждого человека есть свои слабости и ошибки. Важно помнить хорошее, что он для тебя сделал,

и сохранить светлые воспоминания. Не позволяй тьме прошлого омрачить твоё будущее. Мой сын действительно не был идеальным во всем, но он сделал свой выбор и осознал ошибки.

Она обняла меня крепко, и я почувствовала, как тепло её души согревает меня изнутри. В её объятиях я снова почувствовала себя маленькой девочкой, которую она всегда защищала от всех бед. И в этот момент я поняла, что несмотря ни на что, у меня есть опора, есть человек, который всегда будет на моей стороне. И это придало мне сил двигаться дальше, навстречу новой, неизведанной жизни.

– Ни на какую квартиру я тебя не пущу. Оставайся и живи у меня. А там и решение само придет, – сказала бабушка.

– Пойду спать. Сегодня был ужасно эмоциональный день, – с благодарностью ответила я.

В моей комнате все было как раньше. Я легла в кровать, укрылась старым, но таким родным одеялом, и закрыла глаза. В голове все еще звучали бабушкины слова. Её мудрость, словно маяк, освещала мой путь в этой непроглядной тьме тяжелого времени. Я чувствовала, как медленно отступает душевная боль, уступая место благодарности и надежде.

Утром я проснулась с ощущением, что что-то изменилось. Мир не стал вдруг идеальным, проблемы не исчезли, но внутри меня появилась какая-то новая сила. Я вышла на кухню, где бабушка уже хлопотала у плиты. Запах свежих блинов наполнил дом теплом и уютом. Мы позавтракали в

тишине, нарушаемой лишь тихим тиканьем ходиков.

После завтрака я решила прогуляться. Мне нужно было побыть наедине с собой, переварить все, что произошло. Я бродила по улицам дачного поселка, рассматривала знакомые с детства лики соседних домов, вдыхала свежий воздух. И постепенно, шаг за шагом, ко мне возвращалось ощущение почвы под ногами.

Я вернулась с твердым намерением двигаться дальше. Начать искать работу, строить свою жизнь. Бабушка была права – жизнь сложна, но в ней есть место для счастья. И я собиралась его найти. Я больше не боялась будущего, потому что знала – я не одна. У меня есть бабушка, моя опора и поддержка.

Позвонив в несколько банков, я записалась на собеседования и уже на следующий день стояла в холле одного из них. Собеседование прошло на удивление хорошо. Мой опыт работы в сфере финансов, хоть и небольшой после университета, оказался востребованным. Уже к вечеру мне позвонили и пригласили на стажировку. Сердце радостно забилося в груди – это был первый шаг к моей новой жизни.

Вечером, вернувшись домой, я поделилась новостью с бабушкой. Ее глаза засияли от гордости.

– Я знала, что у тебя все получится, моя девочка! Ты сильная и целеустремленная, – сказала она, обнимая меня.

Утро началось с облачения в строгий костюм, словно в доспехи, подходящие банковскому служащему. Сегодня я

впервые переступила порог настоящей работы. Университет остался позади, диплом был получен два года назад, а в банке отца и Марка я проработала всего год.

Тогда-то судьба и свела меня ближе с Марком Одинцовым, отцовским партнером по бизнесу. Раньше он мелькал лишь на званых вечерах, среди общих знакомых. Пятнадцать лет разницы казались пропастью между нами, до того момента, пока он не начал красиво ухаживать за мной.

Его лицо, словно выточенное скульптором, и пронзительные глаза завораживали, а атлетическая фигура, результат неустанных тренировок, подчеркивала его уверенность и силу. Теннисный корт и тренажерный зал были его царством, где он, несомненно, был королем.

Я видела, как женщины, словно мотыльки на пламя, слетались на его великолепный, brutальный вид, очарованные изысканностью манер Марка, и в каждом их взгляде читалось нескрываемое восхищение. Но это меня никогда не тревожило.

Его ухаживания за мной были неторопливыми, словно выдержанное вино, и столь же опьяняющими. Марк сразу обозначил серьезность своих намерений, не страшась разницы в возрасте, напротив, находя в ней особую прелесть. Он говорил, что моя юность, укрытая под его крылом зрелости и опыта, – это надежный союз.

Меня же разница между нами в пятнадцать лет не смущала вовсе, тем более, что Марк стал моим первым мужчи-

ной, проводником в мир чувственных открытий. Цветы, шепот его нежных комплиментов, ужины в лучших ресторанах Москвы, – все это сплеталось в кружево романтики, в котором я, словно зачарованная, растворялась без остатка. Марк умел слушать, впитывая каждое мое слово, каждую интонацию, и всегда находил ту самую ноту, способную разогнать любые тучи сомнений.

Отец благословил наши отношения, не видя в их деловых связях, в общем владении банком, ни малейшего повода для беспокойства. И вот, спустя год нашего головокружительного романа, вихря страсти и нежности, Марк преподнес мне кольцо. Ослепительный бриллиант, пойманный в лучах закатного солнца, вспыхнул тысячами огней, когда я, не раздумывая ни секунды, ответила ему «Да».

Вспоминая свое еще вчерашнее прошлое, я подъехала к месту новой работы – банку, конкуренту моего отца и бывшего жениха. Здание банка возвышалось над городом, словно неприступная крепость, символ финансовой мощи и амбиций. Глянцевые стекла отражали утреннее солнце, ослепляя своей безупречностью.

Я глубоко вздохнула, стараясь унять волнение, и вошла внутрь. Просторный холл встретил меня прохладой кондиционеров и приглушенным гулом голосов. Мраморные полы, инкрустированные логотипом банка, блестели под ярким светом люстр. Я прошла к стойке информации, где миловидная девушка в строгом костюме приветливо улыбнулась

мне. Получив пропуск, я направилась к лифтам, предвкушая встречу с новым этапом своей жизни.

– Валерия Князева? – неожиданно прозвучал женский голос за моей спиной.

– Да, – утвердительно ответила я.

– Генеральный просил вас зайти к нему. Немедленно, – раздраженно, и с какой-то нескрываемой ненавистью произнесла она.

Я обернулась и увидела высокую женщину лет сорока, с короткой стрижкой и пронзительным взглядом. Ее лицо выражало смесь недовольства и превосходства.

– Генеральный? Но меня же ждут в отделе кадров, – уверенно ответила я.

– Не уверена, – грубо сказала женщина.

Мы вошли в лифт и поднялись на верхний этаж. Она властно взяла меня за руку и направилась в сторону коридора, уходящего вглубь здания. С каждой секундой мое предвкушение превращалось в тревогу. Что могло случиться? Почему генеральный директор решил встретиться со мной лично, да еще и в такой манере?

Коридор казался бесконечным, по обеим сторонам тянулись двери с табличками, указывающими на различные отделы. Наконец, мы остановились перед внушительной дверью из темного дерева. Женщина коротко постучала и, не дожидаясь ответа, открыла ее.

– Валерия Князева, по вашему приглашению, – сухо про-

изнесла она, пропуская меня внутрь.

Кабинет генерального директора обрушился на меня всей своей тяжеловесной роскошью. Казалось, величие здесь было возведено в культ. Полированное дерево дорогой мебели лоснилось под прицелом софитов, картины в позолоченных рамах надменно взирали со стен, а за панорамными окнами раскинулся город, словно у его ног. За исполинским столом восседал мужчина, чей облик показался мне тревожно знакомым, будто тень из давно забытого прошлого.

Он оторвал взгляд от бумаг, и в его глазах я увидела сталь.

– Князева? Присаживайтесь, – бросил он, словно приговор. – У меня к вам разговор.

Его тон обжигал холодом, предвещая бурю.

– Что-то случилось? – пролепетала я, чувствуя, как под ногами начинает зыбиться почва.

– Случилось, – отрезал он. – Ваш будущий муж звонил мне. И у меня возник закономерный вопрос: что это за фарс вы здесь устроили? У вас на носу свадьба с владельцем крупного банка, нашим конкурентом. И, как вишенка на торте, вы – дочь второго совладельца того же банка. Объясните мне, Валерия, зачем вам понадобилось устраиваться на работу к нам?

Что я могла ему ответить? Излить душу, рассказать, как Марк растоптал мою веру в любовь? Поведать, что родители считают его предательство лишь досадным недоразумением, а меня – капризной дурочкой? И как я, в отчаянной попыт-

ке вдохнуть полной грудью, решила сбежать, вырваться из клетки и начать, наконец, самостоятельную жизнь, не зависящую от их всесилия? Поэтому я молчала, а к горлу подкапала тошнота.

Молчание затянулось, повиснув в кабинете тяжелым, удушяющим облаком. Я чувствовала, как его взгляд прожигает меня насквозь, выискивая ложь, укрытую за моими смущенными глазами. В голове пульсировала единственная мысль – бежать пока не поздно. Бежать подальше от этого кабинета, от его пронизательного взгляда, от всей этой невыносимой правды, которая вот-вот должна была вырваться наружу.

– Я жду, Князева, – процедил он сквозь зубы, нарушая гнетущую тишину.

Его голос звучал жестче, чем прежде, в нем прорезались ледяные нотки нетерпения.

– Мне нужна работа, – выдавила я из себя, стараясь говорить ровно и уверенно, хотя внутри все дрожало.

Он усмехнулся, и эта усмешка была хуже любого крика. В ней сквозило презрение и какое-то зловещее предвкушение.

– Самостоятельность? Похвально, конечно, но боюсь, ваша маленькая интрига может стоить нам очень дорого. Вы же не наивная дурочка, Валерия? Ваш отец и Марк Одинцов перекроют вам кислород в этом городе, и с вашим блистательным дипломом вы можете только отправиться мести улицы в компании гастарбайтеров.

Его слова вонзились в меня, как осколки стекла. Я чув-

ствовала, как краска отливает от лица, оставляя лишь ледяную бледность. Он знал. Знал все. И теперь я оказалась в ловушке, из которой, казалось, не было выхода.

– Покиньте помещение нашего банка. Немедленно, – отрезал он.

Не дожидаясь повторения, я резко встала и, стараясь не споткнуться о собственные ноги, направилась к выходу. Голова начала кружиться. Спиной я чувствовала его пристальный взгляд, словно клеймо, выжженное на коже.

– Не дури, Лера. Вернись к родителям и прислушайся к тому, что тебе говорят. Другого выхода, у таких как ты, просто не существует, – в спину мне произнес он.

Каждый шаг отдавался гулким эхом в оглушающей тишине коридора. Я шла, не видя ничего вокруг, поглощенная лишь одной мыслью – как они могли так со мной поступить?

Выскочив на улицу, я жадно вдохнула теплый летний воздух, словно пытаюсь смыть с себя весь этот кошмар. Но он следовал за мной, преследовал в каждом взгляде прохожих, в каждом звуке города. Я знала, что он прав. Отец и Марк не позволят мне так просто вырваться. Они задушат любую мою попытку стать самостоятельной, докажут, что я – всего лишь игрушка в их руках.

ГЛАВА 4

Тошнота подкатывала все ближе, грозя перерасти в бурю, и я, сдавшись, направилась в ближайшее кафе. Ноги, словно сами, привели меня к уютной кофейне на углу. Здесь, в густом облаке ароматов свежесваренного кофе и ванили, я надеялась укрыться от разъедающих воспоминаний о нанесенном мне унижении.

Устроившись за столиком у окна, я погрузилась в созерцание хаотичного движения утреннего города. Люди, поглощенные своими заботами, спешили по делам, не подозревая о шторме, разбушевавшемся в моей душе.

Заказав капучино и круассан, я сделала глоток, но сладость напитка показалась приторной, почти отвратительной. В голове, словно заезженная пластинка, крутились слова этого человека, его презрительный взгляд, его самоуверенность, словно он – вершитель моей судьбы. Неужели он прав? Неужели моя робкая попытка вырваться на свободу обречена на провал? Неужели я всего лишь марионетка, послушно танцующая под нитками в руках отца и Марка?

Отчаяние накатывало, словно ледяная волна, грозя поглотить меня целиком. Но в самой глубине души, словно крошечная искра, еще теплилась надежда. Я не имела права сдаваться. Не могла позволить им сломать меня. Даже если весь мир ополчится против меня, я должна найти в себе си-

лы бороться за свое право на собственную жизнь.

Внезапный спазм скрутил живот, и я, отбросив недопитый кофе, бросилась к туалетной комнате. Едва успев добежать до раковины, меня вырвало желчью и горечью несправедливости. Голова начала кружиться еще больше, и я почувствовала, что вот-вот упаду в обморок.

Холодная волна слабости пронзила все тело, заставляя меня судорожно вцепиться в край раковины. Холодной водой брызнула на лицо, пытаясь вернуть себя к реальности, но это помогло слабо. В зеркале отражалось бледное, измученное лицо незнакомки, с темными кругами под глазами и растрепанными волосами. Неужели это я? Неужели жизнь способна так быстро сломать человека?

Собрав остатки сил, я привела себя в порядок. Выйдя из туалетной комнаты, я почувствовала на себе любопытные взгляды посетителей. Стараясь не обращать на них внимания, я вернулась за свой столик. Круассан остался нетронутым, а капучино остыл. Аппетита не было. И самое ужасное, мне становилось только хуже. Слабость подкрадывалась, словно хищник, готовый к прыжку. Понимая, что за руль в таком состоянии садиться равносильно самоубийству, я вызвала такси и отдалась во власть судьбе, направляясь в частную клинику.

В приемной царил умиротворяющая тишина, нарушаемая лишь приглушенным шепотом медицинского персонала и тихим перелистыванием страниц глянцевого журналов.

Меня усадили в мягкое кресло, предложили воды и измерили давление. В глазах медсестры читалось сочувствие, и это немного успокаивало. Ожидание тянулось мучительно долго, каждая минута казалась вечностью. Наконец, меня пригласили в кабинет врача.

Молодая женщина в белом халате, с внимательным взглядом и мягкой улыбкой, внимательно выслушала мои жалобы, задавая уточняющие вопросы. Она провела осмотр, и, судя по ее озабоченному лицу, предположила что-то серьезное. Результаты анализов пришли быстро. Врач вызвала меня в кабинет и, смягчив голос, сообщила:

– Поздравляю вас, вы беременны. Шесть недель. Пора бы следить за своим здоровьем, девушка. Ну как можно так нервничать и доводить себя?

Мир вокруг меня словно перевернулся с ног на голову. Беременность? Сейчас? Этого не может быть! В голове роились противоречивые мысли, смешиваясь с чувством ужаса и растерянности.

Выйдя из клиники, я села в такси, не зная, куда ехать. Внутри бушевал ураган эмоций. Радость, страх, надежда, отчаяние – все смешалось в один неразборчивый ком. Я вдруг поняла, что теперь моя жизнь уже никогда не будет прежней. И что мне предстоит принять самое важное решение в моей жизни.

Такси остановилось у дома бабушки. Войдя, я рухнула на диван, закрыв лицо руками. Впереди – неизвестность. Но в

глубине души, несмотря на все страхи и сомнения, рождалось новое чувство – ответственность. И, возможно, именно этот маленький комочек жизни внутри меня даст мне силы бороться дальше, вопреки всему.

– Лерочка, что случилось? Почему ты не на работе? – с тревогой спросила бабушка.

Я подняла на нее заплаканные глаза и прошептала:

– Бабушка, я беременна.

Тишина, повисшая в комнате, казалась оглушительной. Я ждала любого слова, любой реакции, но бабушка молчала, пристально глядя на меня своими мудрыми, все понимающими глазами. Наконец, она медленно подошла ко мне, опустилась на колени и нежно обняла.

– Лерочка, милая, это же чудо, - прошептала она, и я почувствовала, как по ее щеке катится слеза. – Это самое настоящее чудо, которое дается не каждому. И не переживай, мы справимся.

Ее слова были словно бальзам на рану. Впервые за последние дни я почувствовала себя не одинокой и беззащитной, а сильной и способной выдержать все испытания.

Вечером, после долгого разговора, мы решили, что я останусь жить у бабушки. Здесь, вдали от городской суеты и интриг, я смогу спокойно выносить и родить ребенка. Бабушка пообещала помочь мне во всем, а я, в свою очередь, твердо решила, что не позволю ни отцу, ни Марку вмешиваться в мою жизнь и жизнь моего ребенка. Я докажу им, что мо-

гу быть самостоятельной и счастливой, даже если они будут пытаться сломать меня.

Утренний сон растворился, потревоженный шепотом, поднявшим меня из теплой постели. Словно зачарованная, я на цыпочках прокралась к источнику звука. У окна, словно скрываясь, бабушка стояла на улице и шептала что-то в мобильный телефон. Я замерла, прислушиваясь.

– Сын, пойми, Лера носит дитя, ей сейчас нужен покой, а не ваши разборки. Пусть поживет у меня, я сказала! И ты, и Марк, оба хорошенько подумайте, как все исправить. Не допущу, слышите? Чтобы моя внучка родила вне брака! Головы вам всем по откручу, – ее голос звучал приглушенно, но в каждом слове kloкотала стальная решимость.

Жизнь обрушила на меня очередной сокрушительный удар. Бабушка! Она нарушила клятву молчания, рассказала им всё, растоптав данное мне обещание. В этот миг, словно вспышка молнии, меня озарило – бежать. Бежать без оглядки, бежать туда, где прошлое не сможет меня достать, исчезнуть навсегда.

Сказав бабушке, что у меня запланирована встреча с другой, я вызвала такси. В своей комнате, на столе оставила короткую записку. Слова давались с трудом, но я постаралась объяснить, что мне нужно время, чтобы разобраться в себе и принять решение. Сердце разрывалось от боли и обиды, но я знала, что должна уйти.

Первым делом я отправилась решать главный вопрос. Пе-

ревела свои небольшие сбережения в иностранный банк, где у меня был открыт личный счет. Необходимо было делать все спокойно и надежно, чтобы никто не смог определить, где я поселюсь и куда исчезла.

Затем из кафе я позвонила своей подруге Ольге, которая жила в небольшом приморском городке на юге. Я решила обратиться к ней, зная, что она всегда поймет и поддержит. Она выслушала мою сумбурную историю, не перебивая, и сразу же предложила приехать.

– У меня квартира с видом на море, - говорила она. - Приезжай, отдохнешь, придешь в себя.

В такси я с головой ушла в размышления. Ольга – мой якорь, моя тихая гавань. Она всегда была рядом, в самые трудные моменты моей жизни, но родители никогда не одобряли нашу дружбу. Я помнила, как мы вместе мечтали о домике у моря, где будем встречать закаты, попивая ароматный чай. Тогда это казалось несбыточной мечтой, а сейчас – единственным возможным спасением.

По прибытии в аэропорт я купила билет до ближайшего крупного города, откуда можно было добраться до её городка. В зале ожидания я почувствовала себя немного спокойнее. В толпе незнакомых лиц, в гуле чужих голосов я ощутила себя невидимой, растворившейся в общем потоке. Это ощущение свободы опьяняло.

Полет проходил словно сквозь пелену сна. За окном иллюминатора, внизу, лениво проплывали облака, похожие

на взбитые сливки. Я смотрела на них и тщетно пыталась разглядеть в их причудливых формах очертания будущего. Страх, обида и робкая надежда переплелись в тугую, болезненный узел в моей груди. Я чувствовала – впереди меня ждет тернистый путь, но неведомая сила шептала, что я справлюсь.

Наконец, шасси коснулись земли. У выхода меня ждала Оля. Ее лучистая улыбка, ее искренняя, обезоруживающая радость от встречи согрели душу, словно первый луч солнца после долгой зимы. Мы молча обнялись, и я почувствовала, как тяжелый, ледяной груз сползает с плеч, оставляя за собой лишь легкую дрожь.

Квартира подруги оказалась еще уютнее, чем я могла представить. Огромные, распахнутые навстречу морю окна. Комната, залитая теплым, янтарным светом и дурманящим ароматом морского воздуха – все здесь дышало спокойствием и умиротворением. Я знала, что здесь, вдали от призраков прошлого, у меня есть шанс обрести себя заново, словно птица, вырвавшаяся из плена.

ГЛАВА 5

Первые дни у Оли протекли словно в дымке забвения. Я отсыпалась, бродила по кромке моря, вдыхая солоноватый воздух, и отчаянно гнала прочь воспоминания. Оля окружала меня тихой заботой, ненавязчивым вниманием, не торопила, позволяя боли выплеснуться, когда я буду готова.

Вместе мы выбирали на рынке спелые фрукты и сочные овощи, колдовали над ужином, а вечерами, устроившись на балконе, любовались багряным закатом, внимая умиротворяющему шепоту прибоя. Постепенно ко мне возвращалась ясность мысли, а вместе с ней и ускользающая надежда.

– Мерзавец этот Марк, – с горечью выдохнула Оля, когда я закончила свой исповедальный рассказ. – Хотя, чего уж там, я всегда знала, что от таких, как он, можно ожидать любой пакости. Но чтобы такое... Он ведь не только тебя предал, он и с той девушкой поступил чудовищно. Исковеркал жизнь обеим. Она после аборта еле выкарабкалась, детей теперь никогда не сможет иметь. Зато мы с тобой родим! И будем растить малыша в счастье и любви! А ты молодец, что оплатила ее лечение. Это тебе зачтется. Плюс в карму. Твоей вины тут нет, ты сама стала жертвой его лжи и лицемерия.

Я молча кивала, чувствуя, как ее слова прорастают во мне горьким осознанием. Ночь выдалась беспокойной. Сны, словно осколки разбитого зеркала, складывались в кошмар-

ные, пугающие картины. Я металась в постели, просыпаясь в холодном поту, и вновь проваливалась в бездну тревожных видений. Утром Оля принесла мне чашку ароматного травяного чая и свежие, румяные булочки. Запах моря и теплая, искренняя забота подруги немного утихомирили бурю в моей душе.

Дни текли медленно, тягуче, но постепенно раны в душе начали затягиваться тонкой, робкой тканью. Мы много гуляли, беседовали обо всем на свете, стараясь избегать даже упоминания имени Марка. Оля учила меня готовить диковинные местные блюда, делилась забавными историями из своей жизни, познакомила с интересными людьми. И я чувствовала, как внутри меня зарождается новая жизнь, дарящая надежду и свет.

Однажды, сидя на теплом песке, устремив взгляд в бескрайнюю морскую даль, Оля взяла меня за руку. Солнце нежно ласкало кожу, ветер игриво трепал волосы.

– Знаешь, у нас все будет хорошо, – тихо произнесла она.
– Мы сильные, мы справимся.

Я посмотрела в ее добрые, лучистые глаза и ощутила, как к горлу подступает ком. Слезы хлынули из глаз, но это были слезы облегчения, благодарности и надежды. Я крепко обняла Олю и прошептала:

– Спасибо тебе.

В этот самый момент я окончательно осознала, что прошлое осталось позади, а впереди меня ждет новая жизнь,

наполненная любовью, дружбой и счастьем материнства. Жизнь, в которой я буду по-настоящему счастлива.

– А теперь слушай меня внимательно, – в голосе Оли зазвенела решимость, рассеивая остатки сомнений. – У меня тут безумная идея родилась, – глаза ее искрились предвкушением. – Я бросаю эту прогнившую конторку, и мы с тобой создаем собственную империю! Я беру на себя креатив и медиа, стану дирижером наших гениальных идей. А ты, гений цифр, будешь хранителем финансов и аналитики. На передовой, в гуще клиентских битв, у нас будет Денис – парень-батарейка, дипломат от бога. И, знаешь что? Офис уже маячит на горизонте! Так что вытри слезы, хандра отменяется! Завтра едем покорять новые вершины! Едем смотреть наше будущее царство!

Я слушала Олю, и сердце наполнялось робкой, но уверенной надеждой. Идея создать свое дело казалась дерзкой, почти безумной, но в то же время невероятно привлекательной. Возможность начать все с чистого листа, построить что-то свое, независимое, давала новые силы двигаться вперед.

На следующий день мы отправились смотреть офис. Он располагался в небольшом, уютном здании с видом на море. Светлые, просторные комнаты, высокие потолки и огромные окна, впускающие солнечный свет, создавали атмосферу творчества и вдохновения. Я представила, как здесь будут рождаться креативные идеи, разрабатываться блестящие рекламные кампании и воплощаться в жизнь самые смелые

мечты.

Оля сияла от восторга, с энтузиазмом показывая мне каждую деталь, увлеченно рассказывая о своих планах и перспективах. Денис оказался обаятельным молодым человеком с горящими глазами и неумным желанием работать. Чувствовалось, что он искренне влюблен в Олю. Я понимала, что мы – настоящая команда, способная на многое.

Мы приступили к работе немедленно. Составляли бизнес-план, разрабатывали логотип, занимались поиском первых клиентов. Было нелегко, но безумно интересно. Оля заражала всех своим энтузиазмом, Денис находил общий язык с самыми капризными заказчиками, а я, благодаря своему аналитическому складу ума, помогала принимать взвешенные и верные решения.

Время летело незаметно. Живот рос, а вместе с ним росло и крепло наше агентство. Мы становились все увереннее в своих силах, накапливали опыт и завоевывали репутацию. Я чувствовала, что живу по-настоящему, что создаю что-то важное и ценное. И несмотря на все пережитые трудности, я была счастлива.

Денис часто ездил в командировки в Сочи и Санкт-Петербург, навещая наших постоянных клиентов. Через него я передавала на почту письма родителям, чтобы они знали, что со мной всё в порядке. Поскольку эти письма нельзя было отследить, никто из моего прошлого не мог меня найти.

На имя Оли я приобрела через ипотеку небольшой, но

уютный домик на третьей линии от моря и любила вечерами прогуляться к побережью, наслаждаясь тишиной и свежим воздухом. В предвкушении скорого материнства месяцы пролетели незаметно. Друзья привозили все новые необходимые вещи для ребенка, а я с трепетом ждала того часа, когда смогу прижать к себе своего сына.

Беременность у моря протекала легко и практически беззаботно. Каждый день я наслаждалась свежим бризом и умиротворяющим шумом волн, которые успокаивали и вдохновляли. По утрам я часто занималась легкими упражнениями на террасе, а вечерами, любуясь закатами, представляла, каким будет мой малыш. Каждый новый день приносил радость и ожидание, и с каждым месяцем моя связь с будущим ребенком становилась все глубже и сильнее.

Соседи, узнав о моем положении, окружили меня заботой и вниманием. Они приносили домашнюю выпечку и предлагали свою помощь. В этот период я особенно остро осознала, как важно окружать себя добрыми и отзывчивыми людьми, готовыми поддержать в трудную минуту.

Время мчалось неумолимо, и вот настал долгожданный день. Солнце только начинало окрашивать горизонт нежными розовыми красками, когда я почувствовала первые схватки. Волнение охватило меня, но я знала, что впереди меня ждет самое прекрасное событие в жизни. Я собрала заранее приготовленную сумку и, прощаясь с домом, мысленно представляла, как буду гулять с сыном по пляжу, показывая

ему красоту и величие моря.

Роды начались стремительно. Как только я переступила порог родильного дома, меня сразу же проводили в родовой зал. В воздухе ощущалось напряженное ожидание. За дверями слышались приглушенные голоса врачей и акушеров, готовящихся к появлению моего малыша на свет. Вокруг меня и других рожениц суетились заботливые лица, ободряющие и поддерживающие. Я старалась сосредоточиться на дыхании, прислушиваясь к своему телу и внутренним ощущениям, делая все, как учили на курсах для будущих мам.

С каждой схваткой боль становилась все интенсивнее и мучительнее, но вместо страха я испытывала нарастающее нетерпение. Где-то далеко, сквозь пелену боли, я слышала голос акушерки:

– Давайте, глубокий вдох! Тужьтесь! Еще!

Я собрала последние силы и сделала еще один шаг навстречу своему материнству. С каждым новым толчком я все ближе к долгожданной встрече. И в этот момент, когда все обстоятельства сошлись воедино, я ощутила, как между мной и моим ребенком возникла невидимая связь, которая будет крепнуть с каждым днем, с каждой минутой, с каждым вздохом.

Когда последний толчок остался позади, и мир вокруг наполнился новым звуком – нежным, трогательным плачем моего ребенка – я почувствовала, как усталость отступает, уступая место безграничной любви и облегчению.

Мне положили на грудь теплое, сморщенное тельце, и я впервые увидела его глаза, такие же огромные и полные удивления, как и мои. В этот миг, когда наши взгляды встретились, я поняла, что это только начало нашего пути, пути, полного открытий, радости и, конечно же, той самой невидимой связи, которая уже стала моей самой драгоценной нитью. Я прижала его к себе, вдыхая неповторимый запах, и знала, что теперь мы единое целое, два сердца, бьющиеся в унисон, готовые встретить все, что приготовит нам жизнь.

Это было не просто рождение ребенка, это было рождение меня как матери. В тот момент, когда я впервые почувствовала его вес на своей груди, когда его крошечные пальчики сжались на моей коже, я осознала всю глубину ответственности и безграничность любви, которая теперь будет направлять каждый мой шаг.

Мир вокруг, казалось, замедлил свой ход, уступая место этому новому, самому важному для меня человеку. Я смотрела на него, пытаясь запомнить каждую черточку, каждый вздох, каждое движение его маленького тела, и понимала, что это лишь первый из бесчисленных моментов, которые нам предстоит разделить.

Впереди нас ждало множество бессонных ночей, первых улыбок, первых шагов, первых слов. Нас ждали радости и, возможно, трудности, но я знала, что с этой невидимой нитью, связавшей нас, мы справимся со всем. Эта связь была не просто физической, она была духовной, эмоциональной, она

была самой сутью моего материнства. Я чувствовала, как она пульсирует между нами, становясь сильнее с каждым мгновением.

Это было чувство абсолютной полноты, которое невозможно было описать словами, но которое я ощущала каждой клеточкой своего существа. Я была готова к этому новому миру, миру, где моим главным ориентиром станет этот маленький, но такой сильный человечек, который только что вошел в мою жизнь, чтобы навсегда ее изменить.

ГЛАВА 6

Более трёх лет минуло с тех пор, как я покинула отчий дом. В моей жизни появился мужчина, ставший опорой и смыслом, но порой сердце предательски сжималось отголоском прошлого, напоминая о его отце, о человеке, которого я все еще любила.

За эти годы немало мужчин пытались завоевать мое внимание, и именно тогда я осознала, что Марк так и не покинул по-настоящему моего сердца.

И вот сейчас, словно по велению судьбы, в мой кабинет вошел Александр. Директор крупной компании, с которой мы плодотворно сотрудничали, занимаясь рекламным продвижением их товаров. Он замер в дверях, испепеляя меня взглядом, в котором помимо делового интереса читалась нежность и какое-то смутное, неуловимое обещание. Собрав остатки самообладания, я постаралась придать голосу деловой тон:

– Александр Игоревич, могу ли я чем-то вам помочь?

– Да, Валерия. Я приехал, чтобы предложить тебе стать моей женой, – произнес он уверенно, словно вынося окончательный вердикт.

Время словно замерло. Его слова, прямые и неожиданные, оглушили меня, выбили почву из-под ног. Я судорожно пыталась уловить в его взгляде хоть намек на шутку, но лицо

Александра было серьезным, а глаза горели решимостью.

Волна противоречивых чувств захлестнула меня. С одной стороны, предложение Александра было лестно. Он был красив, успешен, умен и, как оказалось, равнодушен ко мне. Его слова были подтверждением искренних намерений. Но с другой стороны, его признание лишь усилило мою внутреннюю борьбу. Марк! Это имя эхом отозвалось в сознании. Как я могла забыть о нем, когда он все еще занимал такое важное место в моем сердце? Глубокий вдох, и я постаралась собраться с мыслями.

– Александр Игоревич, – начала я, и голос предательски дрогнул, – я... я не ожидала...

Слова застряли в горле. Как объяснить ему, что мое сердце все еще принадлежит другому, пусть даже он давно обо мне забыл? Как объяснить, что я сама не понимаю до конца своих чувств?

Александр сделал шаг вперед, его взгляд стал пронзительным:

– Валерия, я вижу твое замешательство. Но я больше не хочу ждать. Я знаю, ты пережила многое, и я хочу быть рядом, чтобы поддержать тебя. Я хочу построить с тобой будущее. Я давно люблю тебя, Лера. С нашей первой встречи.

Его слова, прозвучавшие с такой искренностью, заставили меня почувствовать себя еще более потерянной. Любовь... Это слово, которое я так долго боялась произнести, теперь звучало в моем кабинете, предназначенное мне. Но разве я

могла ответить взаимностью, когда мое сердце все еще было занято? Когда воспоминания о Марке были так живы, словно он стоит за моей спиной?

Я опустила взгляд, чувствуя, как щеки заливает краска. Мне нужно время. Время, чтобы разобраться в себе, в своих чувствах. И, возможно, время, чтобы понять, готова ли я отпустить Марка и открыть свое сердце навстречу другому мужчине.

Тишина сдавливала кабинет, лишь монотонное гудение кондиционера разбавляло вязкую неподвижность. Я ощущала, как взгляд Александра буравит меня, требуя ответа, но слова застряли комом в горле, не позволяя ни подтвердить, ни опровергнуть его признание.

Подняв глаза, я увидела в них не только любовь, но и тень тревоги, даже какой-то робкой уязвимости. Этот сильный, уверенный мужчина сейчас казался мальчишкой, застывшим в ожидании приговора. И я понимала, что от моего ответа зависит не только его настроение, но, возможно, и вся его жизнь.

– Александр Игоревич, – проговорила я, пытаюсь придать голосу уверенность, – я очень ценю ваши чувства, вашу откровенность... Но сейчас я не могу дать вам ответа. Мне нужно время.

В его глазах промелькнула тень разочарования, но он лишь кивнул, сдержанно и понимающе.

– Я понимаю, Валерия. Я готов ждать, сколько потребует-

ся. Только, прошу тебя, не отвергай меня сразу. Подумай... хорошенько подумай.

Он подошел ближе, так близко, что я почувствовала тепло его дыхания на своей коже. Словно боясь спугнуть, он взял мою руку и коснулся ее губами, а затем медленно отступил, будто давая мне больше пространства, больше свободы.

– Знай, я всегда рядом, если тебе понадобится помощь... или просто поддержка.

С этими словами он развернулся и вышел из кабинета, оставив меня наедине с бурей собственных чувств. Щелчок закрывающейся двери прозвучал как выстрел, и на меня обрушилась вся тяжесть произошедшего.

Опустившись в кресло, я почувствовала себя совершенно опустошенной. Слова Александра эхом отдавались в голове, смешиваясь с обрывками воспоминаний о Марке. Какая-то неразбериха, хаос, в котором невозможно было найти выход.

Закрыв глаза, я попыталась успокоиться, собраться с мыслями, понять, чего же я действительно хочу. Я знала, что нельзя жить прошлым, что нужно двигаться вперед. Но как это сделать, когда сердце все еще хранит память о той, первой любви, о моем первом мужчине?

Взгляд упал на фотографию в рамке, стоявшую на столе. Я и Данил, наш с Марком сын, обнимаемся. Снимок сделан этим летом. Пальцы невольно коснулись гладкой поверхности, словно пытаюсь удержать ускользающее прошлое.

– Что же нам теперь делать, сынок? – прошептала я, об-

ращаясь к застывшему на фото образу.

Тяжелый вздох вырвался из груди. Передо мной стоял выбор, выбор, который мог изменить все. Выбор, сулящий боль и неопределенность, но который был необходим. Ради себя, ради Александра и, возможно, даже ради Данила, который все чаще спрашивал об отце.

Поднявшись с кресла, я подошла к окну. За стеклом бурлила жизнь. Люди спешили, машины неслись, солнце щедро дарило последние, ускользающие лучи осени. И в этом движении, в этом неумолимом течении времени, я увидела ответ. Жизнь не останавливается. И я должна идти дальше, вместе с ней.

В этот момент в кабинет ворвался взволнованный Денис.

– Лера, у нас проблемы. Твой отец вошел в главный зал нашего офиса, – выпалил он.

– Откуда он узнал? – изумилась я.

– Есть хорошая и плохая новость. С какой начать? – улыбнулся Денис.

– С любой.

– Мы выиграли государственный тендер! Лечу заключать договор. И... плохие новости – ты летишь со мной. Билеты оплачены заказчиком, но их представителем оказался банк твоего отца! – выпалил Денис скороговоркой, и от неожиданности я осела в кресло.

Сколько ни беги, тень прошлого неотступно преследует по пятам. Едва заметив, как дрогнула ручка моей двери, я

успела спрятать фотографию Данила. Отец не должен узнать о существовании моего сына.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла знакомая, но до боли чужая фигура отца. В его взгляде, обычно холодном и пронзительном, плескалось нечто новое – смесь удивления и, казалось, даже раздражения. Он окинул взглядом мой кабинет, задержавшись на Денисе, который стоял рядом, словно верный телохранитель.

– Ну, здравствуй, дочь, – голос отца был ровным, но в нем чувствовалось скрытое напряжение, словно натянутая струна.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу, обжигая щеки.

– Добрый день, отец, – постаралась я ответить деловито.

Что я могла сказать? Что скрываю от него сына, как зеницу ока, и не хочу даже видеть отголоски прошлой жизни? Что у меня все прекрасно и этот визит – лишь напрасная трата времени?

Денис, уловив мое замешательство, шагнул вперед, словно намереваясь оградить меня от незваного гостя:

– Господин Князев, мы рады приветствовать вас. Лера и я только что обсуждали детали вылета на подписание договора по тендеру.

Он говорил спокойно, но в его глазах мелькнул едва заметный вызов.

Отец перевел взгляд с Дениса на меня, и в его глазах про-

мелькнула тень чего-то похожего на боль, тут же исчезнувшая, смененная привычной маской ледяного безразличия.

– Ты, блестящий финансист, занимаешься... рекламой? Я полагал, что ты выберешь себе более достойную карьеру, – холодно процедил отец.

Его слова ранили, словно удар хлыстом. Он всегда считал, что моя жизнь должна быть предсказуемой, управляемой, как шахматная фигура в его партии. Но я давно перестала быть той девочкой, которая жаждала его одобрения. Я строила свою жизнь сама, шаг за шагом, преодолевая трудности, о которых он, вероятно, даже не подозревал.

– Прости, а что плохого в рекламе? – с вызовом в голосе спросила я.

– То, что ты – Валерия Князева, – гордо отрезал отец.

– Уже нет. Я скоро выхожу замуж, – выпалила я первое, что пришло в голову, и мой голос прозвучал неожиданно твердо.

Я посмотрела ему прямо в глаза, и в этот момент страх, словно отступил, уступая место решимости. Он едва заметно кивнул, но в его взгляде не было ни одобрения, ни понимания. Лишь холодная, оценивающая сталь.

– За него? – спросил он, кивнув в сторону Дениса.

– Нет, – сухо ответила я.

– А за кого? – настаивал отец.

– Я не поддерживаю отношения с семьей, поэтому не собираюсь знакомить будущего мужа с тобой, – отрезала я ле-

дяным тоном, стараясь не уступать ему в холоде. – Мы оба – люди не вашего круга.

– Прекрати, дочь. Я понял. Ты сильно изменилась. Вижу, жизнь тебя закалила. Я полечу с тобой. Мы все очень скучаем по тебе. Вернись, – скупой произнес отец, и в его словах прозвучала почти мольба.

Сердце болезненно сжалось. Полететь с ним... Это было последнее, чего я хотела. Но я знала, что спорить бесполезно. Он привык получать желаемое. И сейчас он стремился контролировать и этот аспект моей жизни.

Я вновь подошла к окну. Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая небо в багряные и золотые тона. Жизнь за стеклом продолжала свое неумолимое течение, не обращая внимания на мои внутренние бури. И я поняла, что даже в этой непростой ситуации, даже с отцом рядом, я должна идти дальше. Я должна бороться за свою жизнь, за свое право на счастье, за право своего сына на спокойное детство. И я знала, что справлюсь. Потому что я больше не та, кто боится прошлого. Я та, кто учится на нем и смотрит только вперед.

– Я не вернусь, но в гости как-нибудь загляну, – сухо отрезала я.

– Выйди, – бросил отец через плечо. – Мне нужно поговорить с дочерью наедине.

Денис вопросительно посмотрел на меня, и я едва заметно кивнула, давая понять, что все в порядке. Через мгновение дверь за ним бесшумно закрылась, оставив меня один на

один с прошлым.

– Лера, – начал отец, и в голосе его прозвучали непривычные мягкие нотки. – То, что случилось тогда... трагическая случайность. Марк разорвал отношения с той девицей, собирався жениться на тебе. Кто же мог знать, что она беременна?

– Отец, прошу, избавь меня от этих низких фарсов. Это давно отыгранная пьеса. Я счастлива и увлечена своим делом. У меня нет ни времени, ни желания ворошить эту грязную историю, – уверенно произнесла я, едва веря собственным словам.

– Ты изменилась, Валерия. Стала сильной... и, пожалуй, жестокой. Теперь ты действительно Князева и могла бы принести немалую пользу нашему семейному делу, – спокойно констатировал он.

Я усмехнулась про себя. Сильная? Да. Жестокая? Едва ли. Но, главное, – я стала свободной. Свободной от прошлого, от его лживых обещаний и удушающих попыток контролировать каждый мой шаг. Семейное дело... Звучало как очередная клетка, пусть и выкованная из золота.

– Полезной? – переспросила я, приподняв бровь. – В чем конкретно, отец? В умении искусно манипулировать людьми, как привыкли делать вы? Или в способности хладнокровно закрывать глаза на чужие страдания?

Он молчал, словно взвешивая мои слова. В его глазах промелькнуло нечто похожее на уважение, смешанное с удивле-

нием.

– Ты всегда была умна, Лера. И теперь твой ум, кажется, направлен в нужное русло. Наше дело – это не просто деньги. Это власть. Это влияние. Возможность строить мир по своим правилам. И ты, как никто другой, могла бы мне в этом помочь. Ты научилась играть в эту игру, – ровным тоном ответил отец.

– Я знаю, как выживать, отец. Но, как оказалось, это совсем другое. И я не уверена, что хочу играть по вашим правилам. У меня они другие.

Я встала, ощущая, как нарастает напряжение в комнате. Отец не привык к такому отпору. Он привык к беспрекословному подчинению, где его слово – закон.

– Ты думаешь, что можешь существовать вне нашей системы? – спросил он, и в голосе его прорезались стальные нотки. – Считаешь, что твоя свобода защитит тебя от всего?

– Я думаю, что я сама в состоянии себя защитить, – ответила я, глядя ему прямо в глаза. – И в вашей системе я не нуждаюсь.

Я направилась к двери, чувствуя прожигающий взгляд на своей спине. Он не пытался меня остановить. Возможно, понял, что попытки вернуть меня в прошлое обречены на провал. А может, просто выжидал следующего хода. Но я знала одно: этот ход будет моим. И разыгран он будет по моим правилам.

– Тебе пора. Мне тоже нужно спешить домой. Увидимся

завтра в аэропорту, на регистрации, – сухо сказала я и распахнула перед ним дверь.

Отец подошел вплотную, задержал взгляд, изучающе всматриваясь в мое лицо, а затем неожиданно обнял.

– Мы начали неправильно, дочь, – прошептал он. – Ты стала самостоятельной. Я это признаю. Ты построила свое дело, которое многие оценили по достоинству. Но мы скучаем по тебе. Возвращайся домой.

В этот момент я остро осознала истинную причину его визита. В его словах и поступках проскальзывала искренняя любовь и... боль. Его объятия были теплыми, но не могли растопить лед, сковавший мое сердце. Любовь... Да, я чувствовала ее, но она была отравлена желанием контроля, стремлением вернуть меня в ту самую клетку, из которой я так долго и мучительно выбиралась. Я отстранилась, стараясь сохранить внешнее спокойствие.

– Я не могу, отец. Моя жизнь здесь. Мое дело здесь.

Я не стала объяснять, почему. Он бы не понял. Увидел бы лишь слабость, еще один рычаг для манипуляций.

– Лера, ты не понимаешь. Наша семья – это сила. Мы можем дать тебе все. Защиту, возможности...

В его голосе снова зазвучали властные нотки, от которых когда-то меня бросало в дрожь. Но теперь я видела его насквозь.

– Я не нуждаюсь в вашей защите, отец. И я не хочу жить в мире, где все покупается и продается, где власть – един-

ственная валюта. Мои ценности другие. И я буду им верна. Но в гости я готова заехать завтра, после подписания всех бумаг.

Я чувствовала, как внутри меня растет решимость. Это был не просто разговор, это был мой выбор. Окончательный.

– Ты истинная дочь Князева: своевольная, решительная и упрямая, – ответил он, глядя мне прямо в глаза. – Я горжусь тобой.

Вместе мы вышли из моего офиса и разъехались в разные стороны, несмотря на настойчивые просьбы отца заехать ко мне. Но я так и не решилась показать ему свой дом и своего сына, мои главные сокровища.

ГЛАВА 7

Аэропорт гудел встревоженным ульем, и я, словно течением, была подхвачена в водоворот спешащих людей, едва успев на регистрацию. Сердце Данила рвалось со мной в эту поездку, но мы заключили негласный договор – ежедневные звонки. Он, мой маленький мудрец, почти трех лет от роду, с удивительным пониманием принял мои сбивчивые объяснения о важности предстоящей работы.

Оля, моя верная подруга, взяла на себя бремя удаленного управления офисом, посвятив себя заботе о нашем сокровище. Сара Семеновна, наша добрая соседка, ангел-хранитель, предложила свою помощь, пока я не завершу все свои дела. Но тревога терзала душу, словно непрощенный гость. Не хотелось оставлять Данила, но представить его родителям... это было бы слишком рискованно. А реакция Марка Одинцова, отца Данила, чье имя до сих пор отзывалось ледяным эхом в моем сердце, и вовсе не поддавалась прогнозам. Возможно, мы ему и не нужны вовсе... но в этом необходимо было убедиться.

Отец разместился рядом со мной в самолете, но за его радушием чувствовалась натянутость, словно я находилась под негласным конвоем. Внутри, устроившись у иллюминатора, я отчаянно пыталась бежать от навязчивых мыслей.

Взлет прошел незаметно, и земля поплыла вниз, превра-

щаяся в далекую картину. Но все мои мысли были о сыне. Его звонкий смех, его неугомонные вопросы – все это казалось таким недостижимым сейчас. Оля, конечно, справится, она – моя скала, моя опора. И Сара Семеновна, с ее безграничной добротой, не оставит их одних. Но грызущее чувство вины, словно я совершила предательство, не отпускало меня.

Я закрыла глаза, пытаюсь вызвать в памяти образ Данила, его широко распахнутые, полные любопытства глаза, когда он будет слушать мой голос в телефонной трубке. Он такой любознательный, такой открытый миру... И я должна оградить его от всего, что может причинить боль, от тех, кто может не принять его, или, что еще страшнее, попытаться отнять его у меня.

Марк Одинцов... Его имя будоражило во мне целый рой противоречивых чувств. С одной стороны, он – отец моего ребенка, и я обязана дать ему шанс узнать сына. Но с другой – его прошлое, его жестокие, эгоистичные методы... это была непроглядная бездна.

Вспомнилось, как однажды Данил спросил: «Мама, а где папа?». Я тогда прошептала, что папа очень занят, но любит его. Это была полуправда, но я не нашла в себе сил сказать больше. Я мечтала, чтобы он рос счастливым, свободным от тайн и опасностей. Поэтому эта поездка – мой долг. Я должна найти ответы, понять, на что я могу рассчитывать, и принять решение, которое станет лучшим для нас обоих.

Легкий толчок вырвал меня из плена воспоминаний. Самолет начал снижение. Впереди ждала неизвестность, новые горизонты и, возможно, ключи от всех терзающих меня вопросов.

Денис прикрывал меня, свято храня тайну о Даниле. Он и Оля, поженившись год назад, стали единым целым, и он во всем поддерживал свою любимую женщину, преданно оберегая ее. Ему была хорошо известна история моего побега из Москвы, история, которую мы оба поклялись хранить.

Выйдя из аэропорта и получив багаж, я увидела вереницу черных внедорожников, выстроившихся вдоль дороги. Из одного из них, словно из пасти зверя, появился Марк Одинцов и направился к нам. После сухого приветствия с отцом, его взгляд, острый и изучающий, приковался ко мне.

– Ну, здравствуй, беглянка, – его белозубая улыбка казалась хищным оскалом. – С возвращением домой.

– Здравствуй, Марк. Рада видеть тебя. Ты нисколько не изменился. Но вот с возвращением ты ошибся. Я прилетела лишь проследить подписание документов по тендеру, – я улыбнулась в ответ, стараясь придать голосу деловую уверенность.

– Конечно. Я понимаю. Слышал о твоём рекламном успехе, – в его голосе сквозила надменность. – А ещё я слышал, что ты собралась замуж. Не за него ли?

Марк кивнул в сторону Дениса, и его взгляд, скользя по мне, наполнился нескрываемой злобой.

– И в этом вы, уважаемый, тоже ошиблись. Моя любимая жена осталась присматривать за агентством, а Валерия находится под моей защитой, – уверенно произнес Денис, все это время внимательно изучавший машины, охрану и самого Марка, словно оценивая расстановку сил на шахматной доске.

– Довольно, – отрезал отец, словно захлопнул дверь. – Валерия, в машину. Нас ждут формальности. Подпишем бумаги, тогда и продолжите. Мать сегодня ждет всех к ужину. Бабушка уже там, хлопочет. Не стоит омрачать встречу, когда семья наконец-то собралась вместе.

Знал бы он, как страшно заблуждается! Главное звено этой цепи, мое дитя, кровь моя, надежда и будущее – сейчас, наверное, бродит по кромке прибоя, вдыхая соленый ветер свободы. Он и есть моя истинная семья. Но открыться этим... этим чужим, рассказать о сыне Марка Одинцова – значило бы сорвать печать с ящика Пандоры. Слишком многое поставлено на карту. Слишком непредсказуема их реакция.

Внутри машины воцарилось тягостное молчание. Марк сидел впереди, его кортеж плотно обступил нас со всех сторон. Отец, сидевший рядом со мной, казался напряженным и немного виноватым. Я смотрела в окно, наблюдая за мелькающими пейзажами, и пыталась собраться с мыслями. Этот вынужденный визит должен был принести ясность, но вместо этого лишь усилил мою тревогу.

Переступив порог банка, принадлежавшего отцу и Мар-

ку, я ощутила себя в золотой клетке. Роскошь здесь кричала о власти, помпезность давила своим весом, а холодная надменность пронизывала каждый уголок.

Условия в документах напоминали кабалу: авансовые платежи – лишь преддверие еженедельной отчетности, тяжкого бремени обязательств. Агентство, едва получив первый транш, должно было в течение недели представить сырые наброски и эскизы, вынести их на суд заказчика, и лишь после этого поток средств, обещанный договором, тронется с места.

– Чего же вы опасаетесь? – с вызовом спросила я представителя заказчика.

– Поймите, Валерия, – ответил седовласый мужчина сдержанно, но твердо. – Встречаются дельцы, что, получив аванс, растворяются в воздухе или тянут время, словно резину. Нам нужна гарантия, что идеи вашего агентства будут созвучны нашим целям и воплощены в жизнь оперативно.

– Значит, я вынуждена буду застрять здесь на целую неделю? – возразила я, чувствуя, как растет мое раздражение.

– Именно. И не вижу в этом ничего предосудительного. Вы не только сможете контролировать запуск проекта, но и займетесь бумажной волокитой. Вы же сами говорили, что необходимо подготовить и подписать ряд дополнительных соглашений, продиктованных нашими пожеланиями. К тому же, вне тендера ваше агентство взяло на себя обязательства по дополнительной рекламной кампании. Договоры по это-

му проекту также требуют пристального внимания и скорейшего запуска, – деловито заключил он.

Отказываться от столь масштабных заказов было непозволительной роскошью, и я, скрепя сердце, согласилась. Переговоры завершились, и мы направились в дом моих родителей. В дом, где когда-то рухнули мои мечты, где я столкнулась с предательством и отсутствием поддержки.

На пороге отчего дома, словно из старой, доброй сказки, стояли они – мама и бабушка, тени прошлого, которых я не видела с самого дня моего бегства. Едва я выбралась из машины, они, как две встревоженные птицы, бросились ко мне, затопив мое лицо слезами радости и объятиями. В душе моей бушевал шторм – волна любви к родным боролась с горьким осадком давнего предательства. Собрав остатки самообладания, я переступила порог дома, когда-то бывшего для меня целым миром.

Внутри царила атмосфера, сотканная из тепла и воспоминаний. Стены, увешанные семейными фотографиями, словно шептали о мгновениях счастья, запечатленных в улыбках и объятиях. Окинув взглядом знакомую обстановку, я почувствовала, как сердце сжалось от нахлынувших воспоминаний о тех днях, когда мир казался простым и безмятежным. Мама хлопотала у стола, заставленного любимыми блюдами из детства, а бабушка, с неизменной заботой, разглаживала складки на белоснежной скатерти.

Пока они сутились на кухне, я опустилась на диван, пы-

таясь укротить бурю эмоций, рвавшихся наружу. Я понимала, что годы разлуки оставили свой след, но жажда вновь обрести связь с родными, исцелить раны прошлого, оказалась сильнее любых сомнений и предрассудков.

Мать Марка, надменная и властная женщина, встретила меня с натянутой улыбкой, словно я была нежеланной гостьей. Бабушка, добрая и мудрая, лишь печально взглянула на меня, словно знала о той тайне, что я так тщательно скрывала.

За ужином атмосфера накалилась до предела. Марк не сводил с меня глаз, его вопросы были колкими и провокационными. Он явно пытался вывести меня из равновесия, заставить раскрыть карты. Я держалась стойко, отвечая уклончиво и сохраняя видимость деловой заинтересованности.

После ужина, когда все направились в гостиную, я выскользнула на улицу, и набрала номер сына.

– Как ты, мой хороший? Чем занимался сегодня? – пропела я, услышав звонкий голосок Данила.

– Все хорошо, мама. Мы с Олей нашли на берегу две огромные ракушки! – радостно выпалил сын. – Я по тебе скучаю.

– Я тоже, родной мой, очень скучаю. Но мне придется здесь задержаться. Прости меня, я не ожидала, что с бумагами будет столько возни, – с грустью произнесла я.

– Оля сказала, что это очень важные дела. Я понимаю. Мы сейчас идем на пирожки к тете Саре. Я тебя люблю, – щебе-

тал Данил.

– Я тоже тебя люблю, Данил, – успела выдохнуть я, и связь оборвалась.

Повернувшись к дому, я замерла, словно громом пораженная. На крыльце, в тени, стоял Марк и, казалось, впитывал каждое слово моего разговора.

– А подслушивать нехорошо, – натянуто улыбнулась я, стараясь скрыть смутение, и направилась к двери.

Марк стремительно перехватил меня за руку. В его глазах сверкали молнии.

– Кто такой Данил? – злобно прошипел он.

– Я не понимаю, почему должна это с тобой обсуждать. Тебя это не касается, – с вызовом ответила я, глядя ему прямо в лицо.

Его взгляд стал жестким, обжигающим.

– Валерия, не стоит играть со мной в эти игры. Я знаю, что ты что-то скрываешь. Говори, что привело тебя сюда на самом деле? – прорычал он, надвигаясь на меня, словно хищник.

Мое сердце бешено заколотилось в груди. Я чувствовала, что момент истины настал. Но я была готова бороться за своего сына, за свое счастье.

– Ты все знаешь, Марк. Тендер – и ничего больше меня здесь не держит, – отчеканила я.

– А там что тебя держит? – раздраженно бросил он.

– Все. Там моя жизнь, и я хотела бы поскорее вернуться

домой, – уверенно ответила я, не отводя взгляда.

– Ты останешься со мной, Лера, – вдруг глухо произнес Марк.

– Это невозможно. Все в прошлом, – отрезала я, как ножом.

– Нет. Ты сбежала, но я тебя не отпускал, – с ледяной уверенностью заявил Марк.

Я попыталась вырваться, но его хватка была железной. Его пальцы впились в мою руку, причиняя боль. Внутри меня закипела ярость. Он всегда считал себя вправе распоряжаться моей жизнью, моими чувствами. Но я больше не та наивная девочка, которую он когда-то знал.

– Ты опоздал, Марк. Я давно живу другой жизнью. У меня есть любимая работа, друзья, планы на будущее. И в этих планах нет места тебе, – с твердостью в голосе произнесла я.

Он презрительно усмехнулся.

– Планы? Ты называешь жалкое бегство планами? Закрыться на другом конце страны, лишь бы не видеть меня? Тщетно, Лера. Ты – моя, до мозга костей. Даже после того, что ты натворила!

– Я? – выдохнула, приподняв брови в удивлении.

– Ты! Не строй из себя невинность! Я знаю, что ты сбежала, скрывая под сердцем моего ребенка. А сейчас... что я вижу? Прекрасная бизнес-леди в строгом костюме! Значит, ты променяла нашу семью, моего ребенка, на бизнес. Я могу понять твой выбор... понять, но никогда не прощу. Я имел

право на этого ребенка! Право решать – рожать тебе или нет.

Я резко выдернула руку и отступила на шаг. Воздух между нами наэлектризовался. Я чувствовала его злость, его отчаяние, его болезненную одержимость. Но я не могла позволить ему сломить меня. Не сейчас, когда на кону стояло самое дорогое, что у меня есть – мой сын.

– Между нами ничего не может быть. Ты должен это понять и оставить меня в покое, – тихо, но уверенно произнесла я, развернулась и вошла в дом, оставив Марка стоять в тени, поглощенного яростью и бессилием.

Переступив порог дома, я поспешила попрощаться, надеясь лишь об одном – добраться до гостиницы. Но тут в разговор, словно гром среди ясного неба, вмешался Марк. С непоколебимой уверенностью в голосе он вызвался лично доставить меня до номера, поклявшись в целости и сохранности. Родители, вечные союзники Марка, тут же поддержали его порыв. Мне же оставалось лишь смириться, ощущая легкое покалывание безысходности.

ГЛАВА 8

Всю дорогу до гостиницы я сидела как на иголках, чувствуя прожигающий взгляд Марка. В салоне автомобиля повисла тягучая тишина, прерываемая лишь мерным гулом мотора. Я старалась не смотреть на него, устремив взор на мелькающие за окном огни ночного города. Мои мысли были далеко, в маленьком приморском городке, где меня ждал Данил.

Подъехав к отелю, Марк заглушил двигатель и повернулся ко мне. В полумраке салона его лицо казалось еще более суровым и нечитаемым.

– Зачем ты это сделала, Лера? – тихо спросил он, словно у самого себя. – Почему ты ушла, не сказав ни слова?

Я не ответила, боясь, что голос дрогнет. Внутри меня бушевала буря эмоций – обида, гнев, страх. Я не хотела ворошить прошлое, но, кажется, оно само настигло меня.

– Я любила тебя, Марк, – прошептала я, взгляд мой, как осколок льда, впивался в его глаза. – Любила до слепоты, до самозабвения. Но твое предательство... оно обожгло меня изнутри, оставив лишь пепел. И жестокость твоя, Марк, та, что ты обрушил на ту невинную девушку... это я тоже не смогла простить. Я оплатила ее лечение, да. Но разве деньги вернут ей украденное счастье материнства? Ты вырвал у нее самую суть жизни. Я не смогла, понимаешь? Не смогла жить

в этом кошмаре подозрений, в этом болоте измен, с камнем, разрушающим мою душу.

– А наш ребенок? Ты не подумала о нем? – в его голосе послышалась боль.

– О нем я думала в первую очередь, – ответила я.

– И именно поэтому ушла? – язвительно спросил Марк.

Я вышла из машины, не дав ответа, и, не оборачиваясь, направилась к дверям отеля. Я знала, что Марк смотрит мне вслед, но не могла больше оставаться рядом с ним. Слишком многое нас разделяло, слишком много боли было между нами. Мне нужно было защитить своего сына, свое счастье. И я была готова бороться за это до конца.

Марк, как и мои родные, был уверен, что я избавилась от ребенка. Только такие люди, погрязшие в цинизме и болезненной любви к собственному комфорту, могли допустить такую мысль. Им даже не пришло в голову, что может быть иначе. Что сейчас сын Марка может бегать по теплomu морскому песку, а внук моих родителей – с гордостью носить имя нашего рода, продолжая его. Они настолько уверовали в свою исключительность, в то, что жестокость во имя власти и бизнеса – единственно верный путь, что даже не допускали мысли, что я, пройдя через тернии сомнений и отчаяния, родила ребенка и вырастила его одна.

Войдя в номер, я прислонилась к двери, тщетно пытаюсь унять предательскую дрожь в коленях. Встреча с Марком обрушилась на меня, словно ледяной шторм. Сколько лет про-

шло, а старые раны все еще кровоточили, отравляя душу. Я взглянула на свое отражение в зеркале – уставшее, осунувшееся лицо, потухший взгляд. Неужели это я, та Лера, которая еще несколько дней назад жила надеждой, любила, мечтала и строила планы на будущее?

Я подошла к окну и погрузилась в созерцание ночного города. Огни мерцали внизу, словно далекие, холодные звезды. И тогда я вспомнила Данила – его добрые, лучистые глаза, его нежную, согревающую душу улыбку. Он был моей опорой, моей любовью, моим спасением в этом безжалостном мире.

Озарение вспыхнуло мгновенно. Рука потянулась к трубке, и я набрала номер Оли.

– Привет. Как у вас там? – спросила подруга.

– Терпимо. Но мне необходимо срочно отсюда выбираться. Слушай, давай провернем вот что. Завтра с утра объяви в офисе о щедрой премии тем, кто первым сдаст черновики по новому заказу. Думаю, трех дней им хватит на аврал. Я здесь утверждаю, подписываю оставшиеся бумаги – мне тоже трех дней достаточно. И лечу домой, – выпалила я, озвучивая свой дерзкий план.

– Гениально! Сделаю. А теперь спи. У тебя голос как у человека, выжатого словно лимон. У нас все хорошо, – ответила Оля и отключилась.

С душой, измотанной в клочья, я рухнула в постель, чтобы наутро броситься в отчаянную атаку на бумажную крепость.

Работа кипела, как лава в жерле вулкана. Все личные терзания были задвинуты в самый дальний угол сознания. Денис, словно одержимый, налаживал новые связи. Оля непрерывно скидывала свежие наработки. И вот, спустя три дня, заказчик, ослепленный нашей оперативностью, поставил свою подпись под всеми документами и произвел первые выплаты из основного пакета, щедро оплатив дополнительные соглашения по параллельным проектам.

Неожиданный телефонный звонок безжалостно оборвал мои приготовления в дорогу.

– Слушаю, – мой голос звучал уверенно, хотя внутри уже поселилось предчувствие беды.

– Дочь, ты где? – сквозь помехи прорвался встревоженный, до боли знакомый голос отца.

– В номере, собираюсь, – недоумение росло с каждой секундой.

– Мне необходимо срочно с тобой увидеться, – выдохнул он, словно бежал долгую дистанцию.

Обычно невозмутимый, сейчас его голос гремел неприкрытой тревогой, словно набат. Ситуация казалась не просто странной, а зловещей.

– Приезжай, поговорим. Что-то случилось? – я осторожно попыталась нащупать почву.

– Да... Но это не телефонный разговор. Мать и бабушка в таком шоке, я их еле откачал, – нервно выпалил отец.

– Что случилось-то? – не унималась я.

– Приеду – поговорим, – отрезал он и бросил трубку, оставив меня наедине с нарастающей тревогой.

Примерно через час в дверь постучали. Вечер уже сдавал позиции ночи, и огни Москвы рассыпались бриллиантовой пылью под высоким небом. Я распахнула дверь и замерла, словно пораженная молнией. На пороге стоял Марк Одинцов. Вzbешенный, словно выпущенный из клетки зверь, он прожигал меня взглядом, в котором плескались боль, отчаяние и неприкрытая ярость.

– Марк? А где отец? – выдохнула я, пытаюсь справиться с внезапным оцепенением.

– Мы долго решали, стоит ли ему ехать... Я настоял, чтобы он остался с твоей семьей, Лера. А теперь нам необходимо поговорить, – голос Марка был твердым, как сталь.

Он напористо шагнул в номер и захлопнул за собой дверь, отрезая меня от остального мира.

– Ну-ка, сядь, моя любимая и дорогая несостоявшаяся жена, – прогремел он, и в его голосе звучала неприкрытая угроза.

– На каком основании ты ворвался сюда и позволяешь себе разговаривать со мной в таком тоне? – успела возмутиться я, но Марк уже надавил на мои плечи, усаживая в кресло.

– На полных основаниях, – отрезал он, и в его глазах вспыхнул недобрый огонь.

Марк опустился в массивное кресло напротив, его взгляд скользнул по номеру, словно ощупывая каждый угол. Он

шумно выдохнул, и тишину разорвал его медленный, тягучий голос:

– Это твой последний шанс, Лера, рассказать мне добровольно, кто такой Данил. Если ты сейчас скажешь правду, я обещаю, что попытаюсь понять тебя и твои действия. Но если ты солжешь... я ни за что не ручаюсь.

Я попыталась подняться, но Марк, словно хищник, мгновенно сорвался с места, нависнув надо мной. В его глазах плескалась обжигающая злость, ярость, от которой хотелось отшатнуться. Мы были одни. Денис еще вчера улетел домой с новыми заказами. Почувствовав себя в ловушке, я вызывающе откинулась на спинку кресла.

– А я в последний раз повторяю: это не твое дело, – смело ответила ему.

Казалось, кровь прилила к его лицу. Каждая мышца его спортивного тела напряглась до предела. Желваки на скулах ходили под кожей, словно каменные жернова. В глазах бушевал шторм – ярость и удивление боролись за первенство. Сжатые кулаки излучали энергию, обжигающую, как пламя, – энергию сильного, властного мужчины, едва сдерживающего свой гнев.

– Хорошо. Тогда я вынужден уточнить свой вопрос, – процедил он сквозь зубы, каждое слово было как удар хлыста. – Кто такой Даниил Маркович Князев?!

В этот момент из-под полы спортивного пиджака он выхватил мягкую папку и бросил ее мне в руки. Я открыла.

Детективный отчет за последние три дня. Копия свидетельства о рождении моего сына. Его фотографии у дома, на берегу моря с Олей... Здесь было много личной информации. Марк знал. Он знал, что Данил – его сын. Внутри все обвалилось. Мир сузился до размеров этой папки, до этих фотографий, неопровержимых доказательств. Страх сковал меня, лишив возможности говорить и двигаться. Я смотрела на Марка, ища в его взгляде хоть каплю милосердия, но видела лишь ледяную сталь.

– Откуда...? – прошептала я, но голос сорвался, как надломленная струна.

– Не имеет значения, – отрезал он. – Важно лишь то, что все это время ты лгала мне. Ты скрывала от меня моего сына!

Он поднялся и сделал шаг вперед, и я невольно вжалась в кресло, ожидая удара. Но он лишь наклонился, его лицо оказалось опасно близко к моему.

– Зачем, Лера? Зачем ты так поступила? – прорычал он, и в его голосе впервые прозвучала боль.

Я молчала, не в силах произнести ни слова. Как объяснить ему все? Как рассказать о страхе, о неуверенности, о желании защитить Данила от его властного влияния и жестокости к людям? Слова казались бесполезными, неспособными передать всю сложность моих чувств. Я знала лишь одно – бежать не получится.

Медленно поднявшись, я встретила с его взглядом.

– Да. У нас есть общий сын. Но ты – лишь биологический

отец, – слова прозвучали ледяным приговором. – Ты предал меня, помнишь? Решение родить было только моим. Пусть теперь ты узнал. Значит поймешь, что я должна вернуться домой. Там моя настоящая жизнь.

Его взгляд, прожигающий меня гневом, внезапно смягчился, и теперь медленно скользил по моему лицу, словно касаясь каждой черты. В одно мгновение он притянул меня за талию, и мои губы оказались в плену его страстного, требовательного поцелуя. Его сильные руки, то жадно сжимали мою спину, то нежно запутывались в волосах. Марк держал меня в стальных объятиях, не давая опомниться, и поцелуй становился все глубже, обжигая каждую клеточку моего тела. Голова закружилась, а тело, предав все клятвы забыть Марка, предательски тянулось навстречу к нему. И вот, все барьеры, возведенные годами, рухнули под натиском проснувшейся любви, что таилась в глубине моей души. Безумие захлестнуло нас обоих, унося в водоворот страсти.

Я отстранилась, тяжело дыша, и попыталась восстановить контроль над собой. Марк смотрел на меня, в его глазах бушевала целая буря эмоций – страсть, раскаяние, надежда. Я знала, что должна остановить это безумие, пока мы оба не сделали то, о чем потом будем жалеть.

– Марк, послушай меня, – проговорила я, с трудом выталикивая слова. – Это ничего не меняет. У нас разные жизни, разные цели. Данил нуждается во мне, и я должна быть рядом с ним.

Он молчал, лишь крепче сжимая мою талию. Казалось, он боялся отпустить меня, боялся, что я снова исчезну из его жизни.

– Я знаю, что причинил тебе боль, – наконец проговорил он, его голос был полон горечи. – Я совершил много ошибок, но я изменяюсь. Я хочу быть частью жизни Даниила, частью твоей жизни. Дай мне шанс, прошу тебя.

Я смотрела на него и не знала, что ответить. Часть меня хотела поверить ему, поддаться этой внезапно вспыхнувшей страсти, забыть обо всем и просто быть с ним. Но другая часть помнила о боли, которую он мне причинил, о страхе за Данила, и о том, что Марк никогда не изменится. Он всегда будет жестоким, властным и чертовски красивым тираном.

Я оттолкнула его и сделала шаг назад.

– Мне нужно время, чтобы все обдумать, – прошептала я.

В мгновение ока мир перевернулся, и вот я уже повисла вниз головой на его крепком плече. Тщетно пытаюсь вырваться из его захвата, я чувствовала, как он несет меня в спальню. Паника ледяной волной захлестнула сознание. Я боялась этого момента, зная, что уступлю, что любовь к нему окажется сильнее разума. Один стремительный кувырок – и вот я уже, мягко опущенная его руками, лежу на кровати.

– Теперь мы будем думать вместе, – прошептал Марк, сбрасывая пиджак.

– Нет, – мой голос прозвучал неуверенно.

Но в следующее мгновение он навис надо мной, и его губы

властно накрыли мои, увлекая в водоворот страсти, где два изголодавшихся сердца наконец обрели друг друга. Поцелуй был нежным, но требовательным, словно его губы знали все мои сокровенные желания. Я чувствовала, как его тело прижимается ко мне все теснее, как наше дыхание сливается в единый ритм, как мир вокруг замирает, оставляя нас наедине в этой тишине. Он медленно освобождал меня от одежды, словно срывая покровы с давней мечты. Мы отдавались чувственному порыву, ощущая, как сильно тосковали друг по другу. Нежные прикосновения и легкие поцелуи разгорались в безудержное пламя.

– Я безумно соскучился по тебе, жена, – прошептал Марк, вдыхая аромат моих волос.

Каждый мой тихий трепет кожи в ответ на его ласки рождал всепоглощающие волны желания. Это было не просто влечение, это было слияние душ, подтверждение нашей принадлежности друг другу. Его сильные, нежные руки хаотично скользили по моей спине, спускаясь все ниже... Он был здесь, рядом, всецело отданный мне. Я чувствовала, как его тело отзывается на мои голодные движения, как дрожит от страсти и той безграничной любви, которую я так долго скрывала в себе.

– Ты моя, Лера, – хрипло прошептал Марк.

Наши тела отозвались дрожью предвкушения, и его глаза потемнели. Сердца бились в унисон, в едином ритме, сближаясь с каждым глубоким движением. Мои пальцы непро-

извольню впивались в его плечи, словно хватаясь за спасательный круг. В вихре страсти смешались его прерывистое мычание и мои нежные стоны, сопровождаемые пульсацией наших тел, сливаясь в музыку, рождающую новую жизнь. Соблазнительная нежность и обоюдное влечение, вызванные острой необходимостью друг в друге, накрыли нас с головой, отзываясь в каждой клеточке тела и души. Эти невероятные взлеты и падения унесли все тревоги, когда в медленном покачивании мы слились воедино. Мы оба чувствовали внутри звенящую от напряжения нить, готовую взорваться от всепоглощающей, голодной страсти. И в то же мгновение разряд прокатился по телам, обрушив на нас горячие волны и пронзая восхитительным наслаждением. С надрывным стоном я дернулась в его крепких объятиях, но он продолжал властно удерживать меня, не давая утихнуть волне гуляющей по телу. Казалось, я парю в невесомости, а сознание растворилось от безумного счастья. Перейдя черту чувственного восторга, за гранью хрипоты, мы одновременно затихли в объятиях, и наши тела резко обмякли.

ГЛАВА 9

С первыми лучами солнца, прокравшимися в комнату, Марк разбудил меня нежным касанием. Кончиками пальцев он рисовал дорожку по коже, оставляя за собой шлейф мурашек, легко прикусывал мочку уха, осыпая поцелуями шею.

Воздух вокруг нас дрожал от напряжения. Я перевернулась на спину, утопая в бездонном омуте его глаз, полных тепла и обожания. Его взгляд, пьянящий и настойчивый, скользил по изгибам тела, а руки исследовали каждый сантиметр кожи, словно запоминая навсегда.

Тишина звенела в ушах, разрываемая лишь прерывистым дыханием. Марк ласково касался губами моих волос, и я чувствовала, как бешено колотится его сердце, вторя моему собственному. В голове роились спутанные мысли, словно потревоженный улей. Неужели это произошло? Как я могла так легко отбросить все обиды, все страхи и без остатка отдаться во власть стихии? Тень стыда и раскаяния медленно расплзалась в душе, отравляя сладкое послевкусие.

Марк приподнялся на локте, вглядываясь в мои глаза. В его взгляде не было и следа былой ледяной стали, лишь тепло, неприкрытая нежность и робкая надежда. Он невесомо провел пальцем по щеке, и я невольно вздрогнула от прикосновения, словно от удара.

– Лера, я серьезно. Я хочу все исправить. Дай мне шанс,

– прошептал он, и я впервые увидела в его глазах что-то похожее на искренность, хрупкое и уязвимое.

Но как я могла поверить ему? Как могла снова доверить ему свое сердце и будущее своего сына? Слишком глубокие раны он нанес, слишком много сомнений отравляло мою душу. Я знала, что должна уйти, должна вернуться к Данилу, к своей размеренной и предсказуемой жизни, где все было безопасно и понятно.

Но взгляд Марка прожигал меня насквозь, словно пытаюсь разбудить ту искру, которая еще тлела в самых потаенных уголках моей души, робкую надежду на возможное счастье. Собрав остатки воли, я села на кровати, отводя взгляд.

– Этого не должно было случиться, Марк. Теперь я должна вернуться домой, – проговорила я, и голос предательски дрогнул. – У меня самолет через два часа.

– Только не говори, что это была ошибка, – нахмурился Марк.

– Ошибка? Это не ошибка. Просто все, что произошло вчера, сегодня стало прошлым. А прошлое, как известно, возврату и обмену не подлежит, – отрезала я, стараясь придать голосу ледяную твердость.

– И много у тебя было таких «не ошибок», пока ты бегала от меня? – с ревнивой горечью спросил Марк.

– Первая и, надеюсь, последняя, – произнесла я, захлопывая чемодан.

– Ты шутишь? – удивленно выдохнул Марк.

Я посмотрела ему прямо в глаза и твердо ответила:

– Нет.

– Я лечу с тобой, – уверенно заявил Марк, вставая с кровати.

– Со мной ты не полетишь. А в остальном – свободен, – холодно завершила я разговор, натягивая строгий деловой пиджак.

Марк молча наблюдал, как я собираюсь, каждое мое движение отзывалось в его взгляде немим укором. Я чувствовала его тяжелый взгляд на себе, но старалась не показывать ни волнения, ни сожаления. Каждая пуговица, застегнутая на пиджаке, казалась гвоздем, вбитым в крышку гроба наших отношений.

В аэропорту Марк держался на расстоянии, но я чувствовала его присутствие кожей. Он словно ждал, что я передумаю, обернусь, брошусь в его объятия. Но я шла вперед, не оглядываясь, к своему рейсу, к своей жизни, к сыну. Проходя контроль, я поймала его взгляд, полный боли и непонимания. В последний раз.

В самолете я откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и постаралась выкинуть из головы все, что произошло за последние несколько дней. Но воспоминания нахлынули с новой силой: жаркие объятия, страстные поцелуи, шепот признаний. Я открыла глаза и уставилась в иллюминатор, наблюдая, как земля уплывает вдаль.

Вернувшись домой, я с головой ушла в работу и заботы

о сыне. Старалась не думать о Марке, но его образ преследовал меня повсюду. Однажды вечером, укладывая Данила спать, он вдруг спросил: «Мама, а когда папа вернется?» Я крепко обняла сына и прошептала: «Он далеко, но мы будем помнить о нем».

Жизнь постепенно вошла в привычную колею. Но в глубине души я знала, что часть меня навсегда осталась там, в том номере отеля, в объятиях человека, которого я одновременно любила и ненавидела. И иногда, глядя в звездное небо, я спрашивала себя: а что было бы, если бы я дала ему шанс?

ГЛАВА 10

Неумолимо надвигающаяся сентябрьская южная осень окрасила город в палитру увядающей зелени и багряных всполохов, но в моей душе клубилась монотонная серость. Работа, прежде приносившая отдохновение, теперь казалась рутиной, а вечера с Данилом, хоть и согревали теплом, оставляли ощущение какой-то щемящей неполноты. Все чаще я ловила себя на том, что взгляд мой прикован к экрану телефона, в тщетном ожидании звонка или сообщения, которое так и не приходило, словно призрак надежды, ускользающий сквозь пальцы.

Внезапно до меня донесся громкий голос Сары Семеновны, моей неугомонной соседки, спорящей с кем-то прямо у калитки. Любопытство взяло верх, и я вышла на улицу.

– Лерочка, у меня к тебе дело! Открывай, голубушка, и дай мне номер этого... антернета! – выпалила она, не дав мне и слова вставить. – Ты ж себе провела, значит, есть у тебя. Постоялец у меня шибко дотошный, говорит, без антернета – никуда. А мой старый ворчун, – она кивнула в сторону дома, – заносчивый стал, как гаишник на престижном перекрестке, и поддержал эту чудную идею!

Я удивленно приподняла бровь. Сара Семеновна и «антернет»? Это звучало нелепо, как анекдот. Но отказать любимой соседке я не могла. Открыв калитку, я пригласила ее

в дом, на ходу объясняя, что «номер антернета» – это, скорее всего, логин и пароль от Wi-Fi. Сара Семеновна, кряхтя и охая, уселась на стул и с неподдельным интересом наблюдала, как я копаюсь в настройках роутера, выискивая заветные цифры.

– Да не нужно вам из-за одного постояльца тратиться! Подключитесь к моему, – добродушно предложила я, чувствуя неловкость от ее беспокойства.

Пока я возилась с техникой, она поведала мне о своем новом жилье. Оказалось, молодой человек, столичный штучка, приехал в наш тихий городок, чтобы поработать на свежем воздухе, вдали от суеты и смога мегаполиса.

– Видишь ли, ему этот ваш антернет, как воздух нужен! Все какие-то у него дела, звонки, разговоры. Говорит, что-то важное делает, для страны, – тараторила Сара Семеновна, поправляя свой цветастый платок, словно собираясь на званый ужин.

Наконец, я нашла нужные данные и протянула ей бумажку. Сара Семеновна бережно взяла ее и сунула в карман своего неизменного передника.

– Спасибо, Лерочка, золотой души человек! Выручила старуху! Теперь этот умник будет доволен. А то ходит, бурчит, как медведь в берлоге, – проворчала она.

С этими словами она поднялась и, еще раз поблагодарив, направилась к выходу. Я осталась одна, вновь погружаясь в свою осеннюю хандру. Но в голове почему-то застрял образ

этого загадочного постояльца. Может быть, общение с новым человеком поможет мне немного развеяться и взглянуть на жизнь под другим углом? Эта мысль показалась заманчивой, словно луч солнца, пробившийся сквозь серые тучи. И я, повинаясь внезапному порыву, направилась в гости к соседке.

– Ну, ты посмотри на этого патриота за мой счёт! – возмущалась Сара Семеновна, набрасываясь на своего мужа. – Сказала этой писульки хватит! Всё! Нечего тратиться! Лерочка разрешила, пользуйся её доброй душой!

– Я тебя, Сарочка, уважаю, хотя уже и забыл, за шо! – гаркнул ей в ответ Давид Абрамович и, махнув рукой, ушёл в дом.

Я вошла на их участок и подошла к Саре Семеновне. Она продолжала причитать о том, что дед, видите ли, хочет свой «антернет» и обязательно его проведет. В это мгновение из дома вышел Марк, и я замерла, словно пораженная током. Он стоял, прислонившись к косяку двери, высокий, широкоплечий, в узких джинсовых бриджах и с обнаженным красивым торсом, казался сошедшим с античной фрески богом. Его глаза, глубокие и пронизательные, словно тёмные омуты, пристально смотрели на меня, прожигая насквозь. Несколько долгих секунд мы просто смотрели друг на друга, не в силах отвести взгляд. Тишину нарушила Сара Семеновна:

– Марк, знакомься, это наша Лерочка, соседка моя хоро-

шая. Вот, помогла нам с антернетом разобраться. Она просто золото, а не человек! Если не женат, то хватай её, а то к ней каждый год женихи сватаются, а она всем отказывает, дурочка!

Марк медленно подошёл ко мне, протягивая руку. Его прикосновение, теплое и уверенное, словно солнечный луч, коснувшийся замёрзшей земли, вызвало лёгкую дрожь, пробежавшую по всему телу.

– Лера, очень приятно. Благодарю за помощь, – произнес он, и его голос, низкий и бархатистый, обволакивающий, словно мягкий плед в холодный вечер, пронзил меня до самой глубины души.

Я попыталась улыбнуться в ответ, но уголки губ лишь слегка дрогнули. В голове билась лишь одна мысль: "Что он здесь делает?" Сердце бешено колотилось, словно птица в клетке, готовое вырваться на свободу. Взгляд Марка не отпускал меня, заставляя забыть обо всем на свете.

Сара Семеновна, довольная произведенным эффектом, поспешила удалиться, бормоча что-то про свои неотложные дела. Мы остались одни, словно два корабля, неожиданно встретившиеся в открытом море после долгой разлуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.